

- - [О смерти брата \(две книги\)](#)
 - [Книга первая](#)
 - [Книга вторая. О надежде воскресения](#)

Введение

Содержание

О смерти брата (две книги)

Теперь мы, любезные братья, проводили жертву, жертву непорочную и богоугодную, господина и брата моего Сатира. Помнил я, что он был смертей, и не обманулся в том, но благодать преизбыточествовала. Итак, не сетовать, но более благодарить Бога подобает мне, ибо всегда я желал, что, если какие возмущения или Церкви, или мне угрожают, то в основном они бы пали на меня и на дом мой. Благодарение Богу, что я во время общего этого страха, когда все опасаются варварских продвижений, печаль всех окончил собственной моей, и на меня одного обратилось то, чего боялся я для всех. И да благоволит Бог, чтобы печаль моя была общим искуплением.

Хотя что касается такого брата не было для меня на свете ничего более дорогого и приятнейшего, но общественная польза превосходит собственную. Если бы кто спросил об этом и его самого, то он бы лучше предпочел умереть за других, нежели жить для себя; ибо для того и Христос умер во плоти за всех, чтобы мы научились не только для себя жить.

При этом я не могу быть неблагодарным Богу; подобает больше радоваться, что имел такого брата, нежели соболезновать, что лишился его; ибо это — дар, а дар это -долг. Итак, пока можно было, пользовался я вверенной мне ценностью, но определивший залог снова взял его. Запереться в данном залоге и соболезновать, что он возвращен, означает то же самое. В обоих случаях вера сомнительна и спасение подлежит опасности. Справедливое ли дело отказать в деньгах и благочестивое ли — не принести жертвы? Ибо ростовщик может быть обманут. Творец же природы и заимодавец — никак. И потому, чем более рост, тем приятнее употребление его.

Посему мы не можем быть неблагодарны в отношении брата: ибо он возвратил то, что общо всем по природе; напротив, заслужил то, что является делом особенной благодати. Кто будет отрицать общую судьбу? Или соболезновать об отнятии собственного его залога, когда в наше утешение Отец отдал единородного Сына Своего за нас на смерть? Кто подумает о себе, что он должен быть избавлен от состояния смерти, когда он не свободен от судьбы рождения на свет? Тайна великого благочестия, что и Христос не избавлен от смерти телесной, но будучи Господом природы, не отрекся от закона плоти, воспринятой на себя. И мне неизбежно нужно умереть, ему же никак не нужно было. Говоривший о рабе: если я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? не мог ли бы сам так пребыть, если бы захотел; но когда бы он жил всегда, то отнял бы у себя важность, а у меня жертву. Итак, какое большее утешение может быть для нас, как что и Христос по плоти умер? И зачем мне оплакивать брата, когда я уверен, что такое благочестие не может погибнуть?

Зачем мне больше прочих оплакивать того, кого все вы оплакиваете? Собственная моя печаль растворена в общей, а тем более что слезы мои ничего не дают, ваши же утверждают веру и приносят утешение. Плачете богатые, и плачем своим доказываете, что оставленное богатство ничего не добавляет к спасению, ибо за деньги нельзя отсрочить смерти, и богатого, равно как и убогого, похищает последний день. Плачете старые, ибо опасаетесь подобной судьбы для детей своих и, поскольку не можете продолжить жизни телесной, наставляйте детей не только телесным упражнением, но добродетели. Плачете и юноши, ибо концом природы не является зрелая старость. Оплакивали и убогие, (и что есть драгоценнейшее) слезами омыли грехи его. Эти слезы искупающие, эти стоны скрывают печаль смерти, это соболезнование вечной радостью заглаживает чувство прежней болезни. Итак, хотя погребение частное, но плач общий; почему плач этот не может продолжиться навсегда, ибо сердца всех расположены были к этому.

Зачем мне оплакивать тебя, любезный брат, который отнят у меня так, как будто ты был братом всем? Ибо я не лишился общения с тобой, но только переменял его, прежде не разделен был от меня телом, а теперь духом пребываешь со мной и навсегда пребудешь. Во время обращения твоего с нами ты не был похищаем у меня от отечества, и ты сам его никогда не предпочитал мне, теперь же доставил ты мне другое отечество, почему я здесь начинаю уже быть не пришельцем или странником, ибо лучшая моя часть там обретается. Ибо я никогда не был целым в себе, но в одном из нас большая часть обоих; оба же были во Христе, в Котором есть все и часть каждого порознь. Этот гроб приятнее мне природной земли, ибо лежит в нем плод не природы, но благодати; бездушное это тело было лучшей моей должностью, ибо в этом теле, которым я облечен, находится большая твоя часть.

О, когда б я мог все посвятить твоей памяти, дружеству и жизни твоей, и половина бы моих лет перешла к тебе! Ибо тем, кто родительское наследство имели всегда нераздельное, надлежало, кажется, иметь и время жизни нераздельно: или, по крайней мере, кто жил совместно, тем бы и жизнь надлежало окончить вместе.

Теперь куда я поступлю? Куда обращусь? Вол сожалеет о подобном себе воле, видит свою утрату, частым мычанием свидетельствует о любви, если не будет того, с кем привык возить плуг: как, поистине, не соболезновать о тебе, брат? Могу ли когда-либо предать забвению того, с кем всегда носил тяжесть жизни этой? Ты трудами низший, но любовью союзнейший; я не так по своим дарованиям способен, как по твоему терпению сносен был; ты по братской любви недостатки мои всегда ограждал твоей помощью; ты любовью был, как брат; старанием, как отец; попечением, как старший; почтением, как младший. Итак, только по родству выполнял ты по отношению ко мне многие обязательства; поэтому лишился я не одного, но многих. В тебе ласкательства не примечено, почтительность же твоя всем явна была. Ты, имея ко мне усердное почтение, не имел нужды в притворстве, так что и сам так не поступал, и от меня не мог этого ожидать.

Но вспоминая тесный союз братства, позабыв же свою должность, от безмерной печали куда устремляюсь я? Возвращает меня апостол, и как бы обуздывает мое соболезнование, говоря, как слышали уже: Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды. Простите мне, любезные братья, ибо не все мы можем сказать о себе: подражайте мне, как я Христу; подражать же имеете кому; не все способны учить других, довольно, когда бы все способны были к принятию учения!

Но плачем нашим не великий совершили мы проступок; ибо не всякий плач есть знак неверия или слабости; иная печаль есть действие природы, иная же от неверия происходит; потребно и желать того, что имел, и соболезновать о том, чего лишился. Не одна печаль производит слезы, изливаются они и от радости. Возбуждает к плачу и любовь, [МОЛИТВА](#) увлажняет постель, и моление, по слову пророческому, моет ложе. Великий плач и рыдание происходили и во время погребения патриархов. Почему слезы выявляют любовь, а не к печали и сетованию привлекают. Плакал и я, признаюсь, но плакал и Господь наш: Он о чужом, я же — о брате; Он в одном плакал обо всех, а я во всех буду оплакивать тебя, возлюбленный брат!

Господь прослезился как человек, ибо Божество не может иметь слез: прослезился по тому естеству, по которому был скорбен, распят, умер и погребен. О нем слышали мы ныне пророка, говорящего: О Сионе же будут говорить: такой-то и такой-то муж родился в нем, и Сам Всевышний укрепил его. Прослезился по человечеству, по которому Сион назвал матерью, рожден в Иудее, произошел от Девы, по Божеству же матери иметь не мог, ибо сам Он виновник матери.

Так и в другом месте: Ибо младенец родился нам; Сын дан нам. В отроче — имя возраста, в Сыне же — совершение Божества. Произошел от матери, родился от Отца, но тот же самый

родился и был дан. Ибо один Сын Божий, рожденный от Отца и происшедший от Девы; хотя по порядку различается, но именем сходен, как и эти слова означают: и такой-то муж родился в нем, и Сам Всевышний укрепил его. Человек по телу, Вышний же по власти. Бог и человек по различию естества, но в обоих тот же самый. Одно свойственно Его природе, а другое — общее с нами, но в обоих естествах один и тот же и в обоих — совершенен.

Итак не должно удивляться, потому что и Господа, и Христа сотворил Его Бог. Сотворил Иисуса, принявшего имя по плоти, как праотец Давид пишет о нем: О Сионе же будут говорить: такой-то и такой-то муж родился в нем; ибо различается не по Божеству, но по телу, не разделен от Отца, разделен же должностью, имеющий ту же власть, отделенный же в таинстве страдания.

Это требует многих объяснений, чтобы доказать власть Отца, свойство Сына и единство всей Троицы; но намерение мое клонится к утешению, а не к подобным рассуждениям; хотя обыкновенно утешается дух силой рассуждений. Но надлежит мне более умерить печаль, нежели переменить склонность, чтобы желания были уменьшены, а не уничтожены. Неприятно мне отвлечь мысли свои от брата к другим упражнениям, когда это слово воспринято как бы для проводов его, чтобы за отходящим далее следовали чувства и чтобы возлежащего перед глазами объять мыслью. Желал бы я все глаза свои устремить на него, пребыть с ним всем усердием духа, оказать ему всякие ласки. В восторге духа кажется мне, что я его еще не лишился, ибо обзираю его; кажется, что еще дух его в нем, пока не нужны мне его услуги, которым посвятил я всю жизнь мою.

Что воздам за такую благосклонность, за такой труд? Я тебя, любезный брат, назначил наследником, а ты оставил меня им; я желал, чтобы дни твои превзошли число моих, но ты прежде расстался со мной. За дары твои в вознаграждение предлагал я желания; теперь же потерял и их самих, но не лишился благодеяний твоих. Что сделаю, приняв наследство? Какую благодарность, какие дары принесу тебе? Поистине, кроме слез ничего, но, может, и их не потребуешь. Ибо будучи в живых еще, запрещал ты мне плакать и уверял, что не так сама смерть, как наша печаль прискорбна тебе будет. Простираться далее препятствуют слезы, препятствуют также и сами твои дела, чтобы мы, оплакивая тебя, не казались отчаявшимися в заслугах твоих.

И конечно, сам ты также уменьшаешь жестокость этой печали; я, беспокоясь о тебе прежде, теперь не имею чего опасаться, не имею, что свет мог бы похитить у меня. Хотя осталась в живых сестра, по непорочности своей почтенная, сходная нравами и дарованиями, однако оба мы больше боялись за тебя, и казалось нам, что вся приятность жизни нашей состоит в тебе. Для тебя приятно было жить, для тебя и умереть не противно было; оба мы желали оставить тебя в живых, но не угодно тебе было пережить нас. Когда не содрогался дух при воображении такой опасности, сколь сильно возмутились мысли при известии о болезни твоей?

Видим бездыханным того, с кем надеялись навсегда пребыть; теперь уверены мы, что ты молитвами твоими у святого мученика Лаврентия испросил себе уход. О когда б молил ты не об уходе, но о долговременной жизни: конечно бы мог ты испросить себе многие лета, когда мог испросить уход. Но благодарю тебя, всемогущий Боже! За великое то утешение, что ты благоволил любезному нашему брату возвратиться из Сицилийских и Африканских стран, ибо вскоре по возвращении лишились мы его, и он как бы для одного только свидания с братьями возвращен к нам.

Теперь я имею залог, который никаким странствованием отнят быть у меня не может; имею останки, чтобы обнимать; имею гроб, который покрою моим телом, и Богу угоднейшим почту себя, что скончаюсь на костях святого трупа. О когда бы я мог также и против смерти твоей предложить мое тело! Если бы ты пронзаем был мечами, то я бы себя лучше предал на заклятие вместо тебя; если бы я мог возвратить исходящую твою душу, то конечно бы

предложил мою собственную.

Не помогло мне, что я последние почерпал дыхания, что умирающему во уста дышал: я помышлял, что или твою смерть сам приму, или мою жизнь отдам тебе. О несчастные, однако приятные, последние эти залого целования! О бедные объятия, между которыми бездушное тело оцепенело и последнее дыхание исчезло! Сжатие руки, но уже лишился, кого держал; собирал последний дух устами, чтобы быть соучастником смерти, но не знаю, как этот дух сделался для меня жизненным и в самой смерти показался приятным. Но поскольку я не мог духом своим продолжить твою жизнь, то желал бы я, чтобы хоть живость дыхания твоего излилась в мою мысль и мой дух имел бы твою непорочность и чистоту. О когда бы ты, любезный брат, оставил мне это наследство, которое побуждало бы меня не к плачу и сетованию, но к приятному воспоминанию.

Что теперь буду делать, лишась всех приятностей, всех увеселений и всех красот этой жизни? Ты один был мне дома утешением, а вне него — честью и украшением, ты был мне в советах судья, в трудах — участник, ходатай в делах, гонитель печали, защитник моих дед и намерений, ты один нес тяжесть домашних и общественных попечений. Свидетельствую святой твоей душой, что я в учреждении Церкви часто опасался твоего в чем-либо неудовольствия. Возвратясь, осуждал ты мою «медлительность»; итак, в священстве был ты мне и судья, и наставник, не оставляя печясь о домашних и общих делах. И эту похвалу тебе справедливо приписываю, что ты без всякого порока управлял домом брата и делал честь его священству.

Чувствую, что дух мой терзается, когда перечисляю твои заслуги и добродетели, однако в самом этом терзании успокаиваюсь, и хотя эти плачевные воспоминания возобновляют болезнь, однако растворены они и неким удовольствием. Могу ли я не помышлять о тебе, или когда без слез помышлять? Могу ли не вспоминать о тебе, или вспоминать без приятных неких слез? Что когда меня увеселяло, то не от тебя ли происходило? Что, говорю, приятно было мне без тебя или тебе без меня? Что не общее нам? Самое почти зрение и сон разделяли вместе. Было ли какое несогласие в воле нашей? Не всюду ли один за другим следовал? Так почти сказать, когда я переступал с одного места на другое, то как бы ты моему, или я твоему телу делал движение.

Когда случалось одному без другого быть, тогда казалось, как бы чего не доставало и лицо было не весело, и дух печален. Тогда обыкновенная приятность и живость скрывались, и эта разлука беспокоила воображением о болезни отсутствующего. Столь странно всем казалось быть нам в разделении! Я, не терпя отсутствия брата и в свежей памяти его удерживая, часто глазами своими искал его как бы предстоящего и будто бы с ним разговаривал и видел его; но когда не было уже надежды к тому, тогда казалось мне, будто бы я, повесив голову, тащу некое иго; с трудом тогда ходил, стыдился показаться и спешил возвратиться, ибо неприятно было без него выходить.

Напротив, когда выходили оба вместе, тогда не больше было на пути следов, сколько у нас слов, не больше шагов, чем разговоров, и не скучали шествием за приятностью рассуждения. Ибо один висел на устах другого. Не смотрели на дорогу внимательным оком, но слушали взаимные друг друга рассуждения, почерпали приятность взглядов и носили на себе все виды удовольствия братского. Как удивлялся я втайне добродетелям твоим. Как радовался, что Господь даровал мне брата столь целомудренного, столь острого и способного, столь добронравного и простого, так что, помышляя о добронравии твоим, я не надеялся найти в тебе остроту, усматривая же остроту и способность, не думал быть в тебе добронравию! Но оба достоинства соединял ты чудной некой силой.

Чего мы оба не могли определить, то ты один исполнил. Радовался, как я слышу, Проспер, что не думал возвратит похищенного им: но испытал на себе строгость одного тебя больше строгости двоих. Заплатил все, благодаря за твою умеренность и не нарушая стыда, благодаря за

кротость и не жалуясь на строгость. Но для кого ты этого искал? Ибо мы желали, чтобы труды твои получили такую же награду, каков твой пример и наставление. Ты по совершении всего возвратился и единственный, предпочтенный всеми, отнимаешься у нас, и как бы для того прежде не испустил своего духа, да совершишь долг благочестия и приобретешь венец прилежания и подвига,

Как неприятны были нам самые почести века этого тем, что разделяли нас между собою! Приняли мы их на себя не потому того, что будто бы сияние их прельщало нас, но чтобы не явились подлыми лицемерами или, может, для того они даны нам, чтобы мы (поскольку ты опечалил нас безвременной своей смертью) одни уже учились жить. Признаю, что справедлив был страх предвидящей моей мысли, когда вспоминаю все то, что тебе писал. Не советовал я, чтобы ты сам ехал в Африку, но лучше оставил бы это другому. Дух мой объят был чрезвычайным страхом, когда я отправлял тебя в путь и поверял волнам, но ты и странствование окончил, и учредил дела, и, напротив, сев в ветхое, как я слышал, судно, поручил себя водам. Ибо спеша, оставил осторожность и, желая нам пользы, не взирал на свою опасность.

Обманчивая радость! Неизвестно течение вещей человеческих; мы помышляли, что брат наш, возвратившийся из Африки и сохраненный от кораблекрушения, от нас уже никак отнят не будет, но теперь на земле испытываем тягчайшее кораблекрушение; ибо того видим бездыханным, кто плаванием избег смерти на свирепом море. Какое осталось нам увеселение, когда исчезла красота и погас наш свет, в котором не только наша семья, но и целое отечество находило свою честь?

Приношу вам, любезные братья, мою благодарность, что вы болезнь мою вменяете в собственную вашу, что в несчастье моем принимаете участие и свидетельствуете свое соболезнование от всего города, от всякого чина и возраста людей. Ибо это есть не частное сожаление, но публичный некий долг. Когда же вы посочувствуете моей потере, то имею я обильный плод, имею залог вашей любви. Желал бы я видеть брата в живых, но общественный долг в счастье любезнее и в несчастье приятнее.

И это есть дело похвалы достойное, ибо не напрасно в Деяниях апостольских при смерти Тавифы плачущие вдовицы описываются; также в Евангелии представляется множество людей, с плачем провожающих гроб умершего юноши; но эту Тавифу оплакивали вдовицы, а юношу — целый город. Потому без сомнения слезами вашими снискивается покровительство апостолов; без сомнения, говорю, плач ваш побудил Христа к милосердию. Хотя Он ныне не коснулся гроба его, однако принял в Свои недра душу, и хотя не воззвал телесным голосом к умершему, однако Божественной Своей властью избавил его от мук смерти и от нападков вражьих, и хотя умерший не сел во гробе, но опочил во Христе, хотя не разглагольствовал с нами, однако видит нас свьше и, созерцая, больше радуется. Ибо через читаемое в Евангелии познаем будущее, и вид настоящего есть знак будущего.

Временное воскресение не нужно было тому, кому определено вечное. Итак, зачем в горестную и плачевную юдоль сей жизни возвращаться тому, о ком радоваться должны, что изыят от наступающих зол и опасностей?

Когда в мирное время никто не оплакивал Еноха, восхищенного на небо, но более того пророк похвалил его, как Писание говорит о нем: восхищен, чтобы злоба не изменила разума его. Тем более сейчас это сказать можно, когда в лукавое время и самая жизнь сомнительна. Восхищен на небо, чтобы не попасть в руки варваров; восхищен, чтобы не увидеть погибели и кончины света; чтобы не увидеть смерти родственников и сограждан своих и также поругания святых дев и вдовиц, что прискорбнее всякой смерти.

Итак, блажен ты, брат, и по цветущей твоей жизни, и по благовременной смерти. Ибо ты восхищен не от нас, но от бедствий; лишился не жизни, но наступающих горестей. Когда бы ты

услышал, что к Италии приближается неприятель, то, из сожаления к своим, сколь много соблезновал бы ты, что все наше спасение состоит в окружении Альпийских гор и наваленными кучами деревьев строится нам стена устыжения! С каким прискорбием узнал бы ты, что твоим родственникам угрожает столь большая опасность от неприятеля, от неприятеля бесчеловечного, бесстыдного и нерадящего о спасении!

Несносно было бы тебе то, что мы принуждены будем претерпеть, и [что тяжелее], может быть, видеть похищаемых девиц, малых детей, извлекаемых из объятий материнских и копьями закальваемых, оскверняемые тела, посвященные Богу. Все это несносно бы было тебе, который, при последнем уже дыхании, себя, может, забыв, а о нас еще помня, увещевал нас беречься набега варварского. Это, может быть, потому, что ты предвидел свою смерть, и то делал ты не по слабости духа, но по благочестию, и хотя для нас был ты слаб, но бодр для себя. Когда Симмах, муж благородный, представлял тебе, что в Италии свирепствует война, а ты предаешь себя опасности и в руки неприятельские, тогда ты отвечал, что для того и едешь, чтобы соучастником быть в нашем бедствии. Итак, блажен ты столь благовременной смертью, ибо избавлен от этой печали. Конечно, блаженнее сестры, которая, лишась утешения твоего, печется о своей целомудренности, и прежде будучи счастлива двумя родными братьями, теперь погружена в горести: за одним не может следовать, а другого не может оставить; могила твоя ей гостиницей является и гроб твой домом. Но — о, когда бы и эта гостиница была безопасна! Пища в плаче, питье в слезах, ибо напитал ты нас хлебом слезным и напоил нас слезами в меру, а может быть, и выше меры. Что скажу я о себе, кому и умереть бесполезно, да не оставлю сестры? И жить также неохотно, да не разлучусь с тобой? Ибо что может быть приятно без тебя, в ком все наше находили удовольствие? Или что пользы долее пребывать на земле, на которой приятно было жить, пока жили неразлучно? Хотя бы что и могло увеселять нас здесь, но без тебя увеселять не может, и хотя бы желали когда продолжать свою жизнь, однако бы не захотели быть без тебя.

Все это несносно. Ибо без тебя, спутника в жизни и соучастника в моих трудах и должностях, что может быть сносно? Я о твоём падении, чтобы оно было сноснее, и думать наперед не мог, столь много страшился дух мой помыслить о нем что-либо такое! И это происходило не от того, будто бы я не знал состояния его, но некоторое желание гасило во мне чувство общей тленности; так что все только благополучное о нем помышлял.

Когда я одержим был тяжкой некой (и, о если бы смертной!) болезнью, тогда сожалел я только о том, что не было тебя при постели моей, и что, по общему желанию с сестрой, перстами твоими не закрыл бы ты тогда моих очей. Чего я желал? Что воздаю? Каких обетов недостает? Какое служение последовало? Иное приготавливал, но другое принужден делать? Теперь погребают не меня, но сам я погребаяю. О свирепые очи, которые могли видеть брата умирающего! О лютые и зверские руки, которые закрыли такие очи, в которых я больше видел! О жестокие плечи, могшие понести столь плачевную тяжесть, хотя это послушание исполнено некоего утешения!

Тебе, брат, тем более надлежало это совершить, этой услуги ожидал и от тебя; теперь какое утешение приму, когда ты один утешал меня в печали, побуждал к радости, прогонял скорбь? Теперь вижу тебя безгласного и не дающего мне ни единого лобзания. Хотя такая любовь обитала в нас обоих, что она питалась больше внутренним усердием, нежели внешним ласкательством, ибо мы, при взаимном дружелюбии, не требовали других. Сила нашего родства столь действительна была в нас, что взаимную любовь доказывали мы не ласкательством, но внутренней духа горячностью, почему не было нужды в притворстве, когда и самый образ являл взаимную любовь; ибо не знаю, по какому изображению духа и подобию тела один из нас видим был в другом.

Кто, смотря на тебя, не думал, что и меня в тебе видел? Когда я поздравлял кого-либо, но если он сам прежде поздравлял тебя, то говорил, что он уже виделся со мной, и сказанное тебе почитали сказанным мне. Какое великое удовольствие давала мне эта ошибка, ибо не имел я чего бояться со стороны твоих дел и слов.

Но когда кто изъяснялся, что мне объявлял что-либо, тогда я, с удовольствием усмехаясь, отвечал: не скажи того брату. Ибо хотя было у нас все общее, нераздельный дух, нераздельное и сердце, однако тайны дружеские не были общие, не так будто бы мы боялись друг другу объявлять их, но чтобы только сохранить верность. Если нужен в чем был совет, этот совет всегда был общий, но не всегда общая тайна. Хотя приятели говорили нам, что мы слова их пересказываем друг другу, однако большей частью верность тайны столь много наблюдаема была, что не объявлял ее брат брату. Ибо верным знаком было, что постороннему не сказано того, чего не объявлено и самому брату.

Признаюсь, что я, горд будучи столь великими благами, не опасался уже, чтобы мог остаться в живых, потому что почитал его достойнейшим жизни; и для того несусь теперь удар, которого снести не могу; ибо эта рана сноснее бы была, когда бы я заранее помышлял о ней. Теперь кто подаст мне в печали утешение? С кем буду разделять попечение? Кто избавит меня от сует сего мира? Ты отправлял дела, надзирал служителей, судил братий и подавал повод не к ссорам, но к благочестивым делам.

Когда надлежало мне советоваться о чем-либо с сестрой, тогда брали мы судью тебя, который никому не делал зла и, желая удовлетворить обоим, сохранял любовь и открывал свое мнение, через что привлекал ты себе благодарность. Когда же ты сам предлагал что-либо для обсуждения, тогда сколь приятен был твой спор? Сколь незлобиво твое негодование! Выговоры твои самым слугам не делали почти огорчения, ибо поступал ты с ними как с братьями, а не по страсти. Ибо знание наше не позволяет нам этого, да и ты сам, брат, не допускал нас до того, обещая отомстить и между тем желая умерить и смягчить дело.

И это было знаком не посредственной мудрости, ибо, по мнению самих мудрецов, первое из благ есть знать и почитать Бога, всей мыслью любить вожделенную красоту вечной истины. Второе же благо есть — от Божественного и небесного источника простирать свою почтительность к ближнему, что самые мудрые мира почерпнули из наших законов. Ибо не могли этого взять от человеческого учения, разве только от небесного этого Божественного источника — закона Божия.

Зачем мне проповедать то, сколь благоговеен и почтителен был он к Богу? Он, прежде принятия совершеннейших таинств, видя себя в опасности кораблекрушения, не смерти боялся, но того, чтобы не лишиться таинства, почему просил верных о том, чтобы они удостоили его им, и это делал не по любопытству, но чтобы получить помощь веры своей. Итак, поверг себя в море, не ища какой-либо доски, отпавшей от корабельной связи, для помощи, но ища оружия одной веры, которым оградив себя, не желал другой помощи.

Надлежит упомянуть и о его великодушии, ибо он при разрушении корабля схватил доску не как несчастный, но как храбрый сам по себе, принял подкрепление своей добродетели и не обманулся в своей надежде. Напоследок, первый сохранен будучи от волн и приплыв к берегу, увидел своего епископа, которому поверял себя, и видя также других своих служителей избавленных, тотчас, не сожалея и не спрашивая о потере, искал Церкви Божией, чтобы принести благодарность и познать вечных таинств; ибо, говорил он, нет большей обязанности, чем принести благодарность. Если не благодарить человека считается подобным человекоубийству, то сколь незаконно не благодарить Бога?

Итак, дело благоразумного есть познать самого себя и, как мудрецы говорят, жить по природе. Ибо что естественнее нам, как не приносить благодарение Создателю? Взгляни на

небо: не воздаст ли оно Творцу своему благодарности, по Псалмопевцу: Небеса проповедуют славу Бо-жию, и о делах рук Его вещает тверд. Самое море, когда тихо и спокойно, есть знак благоволения Божественного, волнение же показывает гнев вышний. Не все ли мы справедливо удивляемся благодати Божией, когда примечаем, что бесчувственная природа чувственным неким образом удерживает волны, и вода познает свои границы? Что скажу о земле, которая, повинувшись Божескому повелению, всем животным подает пищу и которая принятые семена с приумножением и лихвой возвращает?

Итак, мыслью своею естественно поняв вину Божественного дела, знал, что, во-первых, надлежит принести благодарность своему Избавителю; но так как был не в состоянии воздать ему, то, по крайней мере, мог иметь ее. Ибо такова сила благодарности, что воздавая, можно иметь ее в сердце и, имея в одном сердце, воздавать, почему он, воздавая благодарность, проявлял веру.

Храбрость и великодушие его достаточно видны из того, что он по разрушении корабля, презирая жизнь, непобедимым неким духом переплыл моря и перешел разные страны; напоследок в самое это время не убежал опасности, но приближался к ней, претерпевая нужду и холод, и-о! когда бы хотя предосторожность в том имел. Но тем самым блажен он, что крепость своего тела употребил на исполнение юношеской должности, так что, живя, не знал слабости.

Какими похвалами превознесу его простоту? Ибо она есть некое умеренно нравов и трезвенность духа. Позвольте мне несколько пространнее поговорить о том, с кем не могу уже разговаривать. Не бесполезно и вам познать, что вы исполняете этот долг не по слабости некой, но по рассуждению, и побуждены вы к тому не сожалением о смерти, но почтением к добродетели: Благотворительная душа будет насыщена. Такое же простосердечие было, что в нем, как бы в отроке, непорочная простота, образ совершенной добродетели и некое зеркало чистейших нравов сияли.

Итак, войди в царство небесное, ибо веровал слову Божию, как отрок ласкательство отвергал, обиды сносил лучше, нежели мстил; скорее был склонен к жалобам, нежели к лести и коварству; расположен к удовлетворению, но не к честолюбию; свят в стыдливости, так что в нем часто стыд излишним больше почтен быть мог, нежели нужным.

Но основание добродетелей никогда не излишне: ибо стыдливость является не препятствием, но похвалой должности. Он в самом собрании мужчин от стыдливости редко раскрывал уста, редко поднимал очи и разговаривал; и эта стыдливость соответствовала и чистоте телесной. Ибо дары святого крещения сохранил: был чист телом, чистейший еще сердцем, соблюдал не только чистоту тела, но и слов непорочность.

Что касается чистоты, которую столь много возлюбил, что не желал вступать и в супружество. И относительно этого столь неоткровенным себя оказывал, что на увещания наши выказывал намерение, скорее, откладывать, нежели избегать супружества. И этого одного не поверял и самым братьям, не из-за сомнения некоего и не по стыдливости.

Кто не удивится мужу, между братом и сестрой летами среднему, великодушием же равному, который исполнил два величайших звания, ибо имел и чистоту сестры, и святость брата, не по чину, но по добродетели. Итак, когда похоть и гнев рождают другие пороки, то, конечно, чистота и милосердие производят некоторые добродетели, хотя также благочестие есть начало всех благ и источник прочих добродетелей.

Что скажу о его бережливости и чистом желании что-либо иметь. Кто хранит свое, тот не ищет чужого, и кто доволен своим собственным, тот не желает излишнего. Почему желал он возвратить собственное только свое, и то не для обогащения себя, но чтобы не быть обманутым. Он ищущих чуждого справедливо называл сребролюбцами. Поскольку сребролюбие есть корень всех зол, то убегает пороков тот, кто не ищет денег.

Великолепного стола не имел, разве когда созывал приятелей, ибо искал удовлетворить одной только природе, а не сластолюбию. И конечно, в рассуждении своего имени не был нищ, но нищ был духом. О блаженстве его никакого сомнения не подобает, ибо он, как богатый, не радовался о богатстве, даже, как нищий, почитал за малое то, что имел.

Теперь, в заключение основных добродетелей, надлежит упомянуть и о частях справедливости. Ибо хотя добродетели все между собой соединены, однако каждая из них имеет особенное некое изображение, особенно же справедливость. Ибо эта добродетель, так сказать, скупа и бережлива для самой себя, по общей же любви к ближним, как немилосердная к себе самой, расточает все, что имеет.

Но разные виды этой добродетели. Иная справедливость к родственникам, иная — к каждому человеку, другая же — в рассуждении Богопочтения или помощи неимущим. Итак, каков он был к каждому, то доказывает доброжелательство жителей провинциальных, над которыми начальствовал: они называли его, скорее, своим отцом, нежели судьей.

Каков был между братьями (хотя он ко всем себя благосклонным проявлял), то доказывает нераздельное наследство. Ибо и последними своими словами извещивал, что не было у него намерения вступить в супружество, да не отторгнется от братий; не было также его воли оставить духовную, чтобы не оскорбить нас чем-либо. Хотя на прошения и моления наши не согласился, однако не позабыл убогих, прося нас столько разделить, сколько мы сочтем за справедливое.

Только через одно это довольно проявил свидетельство страха Божия и пример человеческого благочестия. Ибо что дал нищим, то вручил самому Богу: ибо «Благотворящий бедному дает займы Господу» ([Притч. 19:17](#)) и требуя справедливого, оставил не малое что, но все: Ибо правда требует продавать имение и отдавать нищим. Ибо кто «расточил, роздал нищим; правда его пребывает во веки» ([Пс. 111:9](#)). Итак, оставил нас распорядителями, а не наследникам, ибо наследство оставляется наследнику, а распорядитель обязуется нищим.

Весьма приличны ему ныне прочитанные слова Псалмопевца: «Тот, у кого руки неповинны и сердце чисто, кто не клялся душею своею напрасно и не божился ложно ближнему своему... Таков род ищущих Его» ([Пс. 23:4, 6](#)). Почему он «взойдет на гору Господню», или «станет на святом месте Его» ([Пс. 23:3](#)), «кто ходит непорочно, и делает правду, и говорит истину в сердце своем» ([Пс. 14:2](#)).

Все это тогда доставляло мне, удовольствие, ныне же с досадой и огорчением то вспоминаю; однако все это так же не пройдет, как тень, ибо добродетель не погибает вместе с телом, и конец добрых дел не есть одинаков с концом природы, хотя и самая также природа погибает не навеки, но на время принимает как бы некое отдохновение.

Итак, теперь буду оплакивать я мужа, добродетелями украшенного, изъятого от бедствий; буду оплакивать, говорю, более по моему желанию, нежели рассуждая о потере. Ибо самая благовременность смерти убеждает радоваться более, нежели соболезновать. Ибо, по писанию, в общей печали должно оставлять собственную. Потому что пророческие слова касаются не одной этой женщины, но каждого, ибо сказаны Церкви.

Почему Писание Небесное и ко мне взывает: тому ли ты учишь, тому ли наставляешь Божий народ? Не всякий ли, как твой пример, является бедствием для других? Или слова эти не коснулись твоих ушей? Знак надменного бесстыдства — хотеть заслужить то, чего самим святым знать не дано. «Бог нелицеприятен» ([Деян 10:34](#)). Ибо хотя Он милосерден, однако если бы принимал всех моления, то творил бы уже не по свободной воле, но по некой как бы нужде, и никто бы не умирал, ибо все о том просят. Сколь за многих каждый день просишь, или определение Божие ради тебя должно уничтожить? Пине, зачем соболезнуешь о том, о чем не всегда может быть спрошено?

«О, безумнейшая, говорит, из всех жен! не видишь ли скорби нашей и приключившегося нам, — что Сион, мать наша, печалится безмерно, крайне унижена, и плачет горько? И теперь, когда все мы скорбим и печалимся, потому что все опечалены, будешь ли ты печалиться об одном сыне твоём? Спроси землю, и она скажет тебе, что ей-то должно оплакивать падение столь многих рождающихся на ней; ибо все рожденные из нее от начала и другие, которые имеют произойти, едва не все погибают, и толикое множество их предаются истреблению. Итак кто должен более печалиться, как не та, которая потеряла толикое множество, а не ты, скорбящая об одном?» ([3 Ездр. 10:6-11](#)).

Итак, собственная наша печаль да поглотится общей! Не должны мы соболезновать о тех, кого видим избавленными, не напрасно в это время творим память святых душ, разрешившихся от уз телесных. Ибо как бы по Божескому некому определению видим в одно время умерших благочестивых вдовиц, так что это являет себя не смертью, но как бы путешествием неким, чтобы состарившаяся чистота не подпала опасности. Неприятное это воспоминание столь великую причиняет мне скорбь! Хотя печали касались всегда сердца моего, однако в самой скорби, в самой потере цветущих действий утешало меня общее состояние природы, и печаль моя, имея единый предмет, жестокость общего плача, смягчалась видом домашнего благочестия.

Еще повторяю я утешительные слова Святого Писания, потому что полезно упражняться в изречениях его и заповедях. Насколько легче небу и земле прейти, нежели от закона одной черте погибнуть? Но послушаем опять Писание: «Посему воздержись теперь от скорби твоей, и мужественно переноси случившуюся тебе потерю. Ибо, если ты признаешь праведным определение Божие, то в свое время получишь сына, и между женами будешь прославлена.» ([3 Ездр. 10:15, 16](#)). Когда это сказано к женщине, то насколько больше приличествует священнику. Когда сказано о сыне, то не неприлично упомянуть это и о потере братьев (хотя, если бы я имел сына, больше бы не любил его). Ибо как в смерти детей тщетные труды и тщетно воспринятые болезни умножают печаль и отчаяние, так и в отношении братьев привычка и товарищество разжигают пламень болезни.

Но слышу я снова писание, говорящее: «не делай этого, но послушай совета моего. Ибо сколько бед Сиону? Утешься ради скорби Иерусалима. Ибо ты видишь, что святилище наше опустошено, алтарь наш ниспровергнут, храм наш разрушен, псалтирь наш уничижен, песни умолкли, радость наша исчезла, свет светильника нашего угас, ковчег завета нашего расхищен, Святое наше осквернено, и имя, которое наречено на нас, едва не поругано, дети наши потерпели позор, священники наши избиты, левиты наши отведены в плен, девицы наши осквернены, жены наши потерпели насилие, праведники наши увлечены, отроки наши погибли, юноши наши в рабстве, крепкие наши изнемогли; и что всего тяжелее, знамя Сиона лишено славы своей, потому что предано в руки ненавидящих нас. Посему оставь великую печаль твою, и отложи множество скорбей, чтобы помиловал тебя Крепкий, и Всевышний даровал тебе успокоение и облегчение трудов» ([3Ездр.10:20-24](#)).

Да прекратится же поток слез наших, да повинимся спасительным средствам, ибо должно быть некое различие между верными и неверными. Да плачут неимущие надежды воскресения, которой лишаются не по Божескому определению, но по своему безверию. Да будет различие между рабами Христовыми и идолопоклонниками; пусть плачут они о своих, которых во веки погибнуть ожидают. Да не прекратятся слезы их, печаль их да будет нескончаема, как не чающих успокоения мертвым. Нам же, которые почитаем смерть не концом природы, но только этой жизни, случай смерти да утрит все слезы наши.

Когда те, которые считают смерть концом чувств и уничтожением природы, изобрели себе утешения некие, насколько больше мы, кому самая совесть обещает лучшую по смерти награду за добрые дела. Язычники имеют свои утешения, ибо смерть почитают успокоением от всех зол,

и, не имея плода жизни, думают, как бы не имели в свете и чувства зла, тяжесть которого несем мы беспрестанно. Мы же наградой должны больше ободряться и утешением побуждены быть к большому терпению, ибо мы не лишаемся, но только наперед предпосылаем тех, кого не смерть, но вечность примет в свои недра.

Да прекратятся, поистине, слезы! Если же прекратится не могут, то я тебя, любезный брат, буду оплакивать в общем плаче, и собственные мои стоны скрою под болезнью всех. Как же они могут прекратиться, если на каждое воспоминание твоего имени изливаются они, когда самая привычка, производя во мне воображение тебя, возобновляет болезнь? Когда и в каких упражнениях не представляешься ты мне? Ты, говорю, присутствуешь, и всегда около меня обращаешься; объемлю тебя мыслью моею, зрю, разговариваю, лобызая; объемлю в самом ночном покое и при ясном дне. Самые ночи, которые при жизни твоей казались мне как бы скучнейшими, ибо были препятствием взаимного лицезрения; самый, говорю, сон, к неудовольствию взаимному прерывавший разговоры наши, начинает уже мне быть приятным, ибо возвратил тебя мне. Итак, блаженны мы, когда и присутствие не недостает, и попечение не уменьшается, и умножается приятность, ибо смерть подобна сну.

Когда в ночном покое души, телесными еще узами связанные, могут видеть высшее и отдаленнейшее, то насколько яснее видят то, не имея уже никаких телесных препятствий. Чего мы в жизни иметь не могли, то теперь навсегда пребудет с нами. Тогда не все могло быть перед глазами нашими, ибо взаимное лицезрение, объятия и лобзания не везде и не во всякое время увеселяли нас. Воображения души всегда были с нами, хотя мы друг друга иногда и не видели; они не исчезли и теперь, но присутствуют всегда, и чем с большим желанием, тем в большем множестве.

Итак не лишился я тебя, любезный брат, и ни смерть, ни даже время не отнимут тебя у меня. Самый плач, самое сетование и слезы приятны мне: ибо приглушается ими жар души и как бы истощается пристрастие: ибо не могу быть без тебя, не могу не вспоминать и вспоминать без слез. О горестные дни, в которые вижу союз прерванный! О плачевные ночи, потерявшие столь доброго товарища и неотлучного спутника!

Хотя смерть твоя и неблагоприятна, однако блажен ты тем, что не видишь себя вынужденным соболезновать о потере брата, отсутствие которого ты снести не мог, но скоро возвратился для свидания. Ежели же тогда спешил ты прогнать скуку моего уединения и облегчить мысли, брата печалью отяготившие, тем более ныне должен часто посещать оскорбленный дух и смягчать болезнь от тебя воспринятую.

Но почему я медлю, почему ожидаю, чтобы наша речь с тобою вместе умерла и как бы погребена была? Хотя сам образ бездушного тела доставляет очам удовольствие, однако поспешим к гробу, но прежде перед народом скажу в последний раз, прости, целую тебя и провозглашаю мир. Направляйся первый к общему этому дому, мне наиболее желанному. Приготовь гостю покой, и как все здесь у нас было общее, так и там да не будет ничего раздельного.

Да ожидаешь меня поспешающего, и сотворишь мне помощь, и, в случае моей медлительности, благоволи позвать меня. Ибо никогда друг от друга надолго не отлучались: обыкновенно ты посещал меня, теперь пойдем к тебе, когда ты не можешь уже возвратиться. Самое состояние нашей жизни было равное, здоровье и болезнь всегда были общие: так что когда один недомогал, другой чувствовал также болезнь, и когда один выздоравливал, оба были также здоровы. Каким образом мы потеряли право наше? Немошь была и ныне общая, почему же не общая смерть?

Всемогущий Боже! Тебе вручаю непорочную душу и приношу жертву мою: прими милостиво братский дар, приношение священника. В этом залоге я предпосылаю себя, и

прихожу к Тебе: благоволи скоро призвать к Тебе столь великого должника. Преимущества братской любви очевидны, не плох также и жребий природы, украшаемый добродетелью. Могу это принести, если скоро вынужден буду возвратить должное.

Книга вторая. О надежде воскресения

В первой книге мы несколько последовали страсти с тем намерением, чтобы беспощадным лекарством свежую рану не растравлять больше, нежели облегчить болезнь. Ибо поскольку мы разговаривали с братом и имели его перед глазами, то не неприлично было дать некоторое послабление природной склонности, которая питается больше слезами, смягчается плачем и останавливается восторгом. Поскольку родственная любовь очень нежна, так что бежит от всего неистового, сурового и жестокого: терпение испытывается общением, а не сопротивлением.

По смерти брата дух мой весь объят был скорбными взорами: теперь, придя снова к гробу его в седьмой день, день, который есть знамение будущего покоя, не бесполезно обратить мысль к общему вещанию всех так, чтобы не все чувства были заняты воспоминанием о брате и, притом, не теряя к нему почтения, также не оставляли бы его. И, конечно, сами мы умножим скорбь, если в нынешнем слове совсем умолчим о нем.

Почему приняли мы, любезные братья, намерение утешить себя общей судьбой и не почитать того за несносное, что ожидает всех. Смерть недостойна оплакивания, во-первых, потому что свойственна всем, притом избавляет нас от печалей и горестей века сего и, наподобие сна, по успокоении от трудов мирских, восстанавливает живость и силы. Благодать воскресения всякую печаль и болезнь способна снять, когда веруем, что со смертью ничто не погибает, но, более того, ведет она к нетлению и вечности. Итак, в общем увещании окажем и брату наше усердие и не отступим от него далеко, если в нашем слове представим его себе живым по надежде воскресения и славы будущего века.

Итак, прежде всего, не положено плачем провожать смерть ближних наших. Ибо что непристойнее может быть, чем оплакивать предписанное и ожидающее всех как нечто особенное? Это значит не что иное, как раздувать дух выше состояния его, не принимать общего закона, отрицать союз природы, мудрствовать по-плотски и не разуметь меры самой плоти. Что непристойнее быть может, как не познавать, кто ты таков и желать того, чем ты быть не можешь? Или что безрассуднее, как не сносить того приключения, о совершении которого наперед тебе известно? Сама природа своим неким утешением отвлекает нас от таких соболезнований. Какая может быть столь тяжкая болезнь или столь жестокий плач, в котором бы иногда дух не имел успокоения? Свойство природы таково, что хотя люди иногда находятся в плачевных обстоятельствах, однако отвлекают несколько мысль свою от печали.

Сказывают, были некие народы, которые оплакивали день рождения человеческого, напротив, торжествовали день смерти. Ибо не безрассудно думали они, что вступившие в житейское море всякого сожаления достойны, напротив, ушедшие от волнений этого мира, справедливо радостью провожаемы быть должны. Да и мы сами день рождения умерших предаем забвению, день же преставления их торжественно празднуем.

Не подобает, следовательно, отдаваться тяжелой печали по самой природе, чтобы тем не показать, что мы или присваиваем себе некое превосходнейшее исключение, или отрицаем общую судьбу. Ибо смерть равна всем: одна — бедным, и та же — богатым, «посему, как преступлением одного всем человекам осуждение» ([Рим.5:18](#)); посему если мы не отвращаемся от виновника рождения нашего, то да не избегаем и виновника смерти, и да будет нам, как через одного человека смерть, через одного так же и воскресение, да не бежим скорби, да благодати достигнем: «ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее» ([Лк.19:10](#)); «и ожил, чтобы владычествовать и над мертвыми и над живыми» ([Рим.14:9](#)). Пал я во Адаме, изгнан из рая во Адаме, умер во Адаме: как взыщет и спасет меня, если во [Адаме](#) не обретет, во Адаме повинного смерти, а во Христе оправданного? Когда же это долг смерти, то уплата должна быть

сносна; но это оставим на последующее рассуждение.

Намерение наше — доказать, что о смерти мы не должны много скорбеть и соболезновать, ибо противно то и самой природе. Сказывают, у ликиан есть закон, который повелевает мужам надевать женское платье, если они предадутся печали: ибо, по рассуждению их, плач в муже не должен иметь места, да и в самом деле, тем, кому за веру, за благочестие, за отечество, за истину и добродетель нужно храбро противиться смерти, неприлично соболезновать о том, что само по себе в случае вожделенно бывает. Как ты можешь избежать для себя того, о чем в другом сожалеешь? Отложи печаль, если можешь, если же невозможно, скрывай.

Печаль или совсем отвращать, или удерживать следует. Почему в основном не разум, но день облегчает твою болезнь?

Чего не загладит время, то благоразумием укрощено быть может. Мне кажется, непочтительно мы делаем в отношении памяти о тех, о потере которых сожалеем: ибо лучше хотим предать их забвению, нежели утешиться;

лучше хотим вспоминать с ужасом и воздыханием, нежели с приятностью и удовольствием. Когда мы страшимся вспоминать тех, воображать которых должно было усладительно, то тем самым доказываем, что мы отчаиваемся более, нежели исполнены надежды о делах умерших и как бы почитаем их осужденными более, нежели переселившимися к бессмертию.

Но говоришь ты, лишились мы, кого любили. Это не с самим ли миром и стихиями есть нам общее! Ибо вверенное на время, удержать навеки не можем. Земля вздыхает под плугами, побиваема дождем, сокрушаема бурей, стесняема морозом, палима солнцем, да произрастит годовые плоды и, облекшись различными цветами, совлекается своего украшения. Сколь многих имеет она хищников? Но не сожалеет о потере своего плода, который для того и породила, чтобы лишиться его; и впредь не отрицает, хотя и знает, что плоды ее похищены будут.

Само небо не всегда сияет блистающими звездами, которыми украшается как бы некими коронами. Не всегда блистает восхождением света и багрянеет лучами солнечными, но попеременно приятное это лицо мира покрывается ночной темнотой. Что приятнее света? Что любезнее солнца? Но хотя они и каждый день скрываются от наших очей, однако мы не сожалеем о заходе их, ибо надеемся на возвращение их. Это учит тебя иметь терпение в собственных твоих переменах. Когда не скорбишь о потере высших, почему сетуешь о лишении человеческого?

Однако сожаление да будет смягчено терпением, в несчастьи надлежит хранить умеренность, равно как и в счастья. Когда нелепо безмерно радоваться, то прилично ли безмерно плакать? Непосредственное [злу](#) есть не умерять печали или страшиться смерти. Такая неумеренность сколь многих привела к гибели, сколь многих вооружила мечом, кто не перенеся смерти и желая ее, тем самым явили свое безумие и глупость. Ибо чего убегали как зла, то приняли вместо средства и убежища. Итак, не в состоянии нести свойственное природе, желанием своим впали в противное тому и навеки удалились от тех, за кем следовать желали. Но это есть нечто редкое, ибо сама природа удерживает, хотя безумие иногда устремляется к гибели.

Это же часто видим в женщинах, которые публично издают вопли, как бы опасаясь, чтобы печаль их не была неизвестна: облакаются в негодную одежду, как будто бы в одежде было чувство болезни, не расчесывают волос и марают головы, а в некоторых местах ходят в разодранных рубищах.

С довольным благочестием оплакивает та своего мужа, которая сохраняет стыд и не оставляет верности. Тогда мы умершим воздаем должное почтение, когда они у нас всегда в уме, когда мы устремляем к ним свою любовь и усердие. Не лишилась мужа живущая целомудренно, не вдовствует та, которая не переменила имени своего супруга. Итак не потеряла

ты наследника, когда помогаешь сонаследнику и разделяющего участь бессмертных переменяла на наследствующего тленными. Имеешь того, кто может тебе представить наследника: заплати убогому то, что принадлежит наследнику, да переживет не только материнскую или отцовскую старость, но и собственную свою жизнь: больше оставишь твоему наследнику, если участь его употреблена будет не на роскошь настоящего, но на искупление будущего. Но желаем видеть тех, которых лишились, ибо две вещи преимущественно мучают нас: или желание тех, кого потеряли, как собственным моим примером испытываю, или то мнение, что они, лишась приятности жизни, лишились и плодов труда своего. Страсть любви столь нежна, что болезнь ее только укротить можно, а не совсем уничтожить, ибо благочестиво кажется желать потерянного, притом слабость покрывается видом добродетели.

Но почему помышляешь, что та должна испытывать большее терпение, которая отпустила любезного сына странствовать и получила известие, что он переплыл многие моря ради войны, ради исполнения порученной должности или ради торговли; большее, говорю, испытывать терпение, чем ты, который остаешься не по случаю иди для денег, но по закону природы? Но, говоришь ты, нет никакой надежды к возвращению, будто бы всегда известно то, что странствующий возвратится? Сомнение больше беспокоит нас, когда опасность перед глазами, и тягостнее бояться какого-либо приключения, нежели на самом деле переносить его. Одно умножает страх, а в другом ожидаем конца болезней.

Когда господа имеют право куда хотят перевозить своих рабов, то Бог ли не имеет этого права? Не довольно ожидать возвращающегося, однако, довольно следовать за предшествующим. Краткая жизнь немногое что отняла у предшествовавшего и тебя оставшегося ненадолго удержит.

Ты не можешь укротить своего желания, но справедливо ли хотеть, чтобы для тебя порядок вещей изменен был? Вождения любовников самые горячие, однако умеряются в случае нужды; они хотя и соболезнают о разлуке, но слез не выпускают; будучи оставлены, стыдятся с нетерпеливостью любить. Итак, похвальнее терпеливо сносить жар желания твоего.

Но что скажу о тех, которые думают, что умершие лишаются приятности жизни? Никакое удовольствие не может быть между печалью и горестями этой жизни, рождающимися или от слабости самого тела, или от внешних злоключений, ибо мы, имея беспокойный дух, сомневаемся и в самой радости, волнуемся неизвестностями, ожидая сомнительного за известным, худого — за хорошим, тленного — за постоянным: желания наши нетверды, и воля наша бессильна. Если что случится против воли нашей, погибшими себя считаем; словом, несчастья беспокоят наш дух больше, нежели мы наслаждаемся плодом счастья. Итак, чего недостает тем, которые похищаются тем более от зол и бедствий.

Здоровье больше идет на пользу, нежели вытесняет и оскорбляет немощь; богатство больше доставляет удовольствие, нежели обременяет скудость; таким же образом иметь детей приятнее, по сравнению с тем, насколько может плачевно быть лишение их; любезнее юношество, по сравнению с тем, насколько прискорбна старость. Сколь много мы иногда сожалеем о своих желаниях, скорбим о данном, изгнания же и другие жестокие казни какое отечество может вознаградить? Какие увеселения, которые, хотя и бывают когда-либо, однако слабы или потому, что нет уже охоты их употреблять, или нет желания вовсе лишиться их.

Течение жизни человеческой пусть будет непричастно болезням, исполнено сладостей и увеселений; однако какую пользу может получить душа, заключенная в узах телесных и связанная тесными членами, когда плоть наша убегает темницы, ненавидит все, что может стеснить и не дать воли (ибо она, кажется, сама от себя отдаляется своими чувствами слуха и зрения)? Тем более душа наша желает выйти из телесной этой темницы, — душа наша, которая не известно откуда приходит и куда идет.

Однако знаем мы, что дух живет после тела и, сложив с себя узы чувств, свободно видит то, чего прежде в теле не мог зреть. Это можем доказать примером спящих, дух которых, как бы оставя тело, восходит к вышнему, видит отсутствующее и небесное. Когда же смерть плотская избавляет нас от печалей века сего, то она не есть зло, поскольку возвращает вольность и отнимает болезнь.

Теперь мы начнем доказывать, что смерть не есть зло, ибо она является убежищем от всех бедствий и горестей, надежным пристанищем безопасности и спокойствия. Каких злоключений не испытываем мы в этой жизни? Каких не претерпеваем бурь и волн? Какие беспокойства не утесняют нас? Чьим заслугам бывает пощада?

Святой праотец Израиль бежал из отечества от брата и ближних, дом свой принужден переменить, принужден был оплакивать осквернение дочери своей и умерщвление зятя, претерпевать голод, лишился погребения, ибо просил, да будут кости его перенесены.

Святой Иосиф испытал на себе ненависть братьев, коварство завистников, повиновался рабам, принужден был слушать купцов, претерпел клевету от госпожи и заключен был в темницу.

Святой Давид лишился двух сыновей: одного — блудодея, а другого — убийцы. Такие дети причиняют стыд, однако и их лишиться прискорбно. Лишился и третьего, младшего, которого любил. Об этом последнем, живом еще, плакал, об умершем же не сожалел, ибо читаем мы: и «молился Давид Богу о младенце, и постился Давид, и, уединившись провел ночь, лежа на земле» ([2Цар.12:16](#)). Когда же узнал, что отрок умер, «Давид встал с земли и умылся, и помазался, и переменял одежды свои, и пошел в дом Господень, и молился» ([2Цар. 12:20](#)). Поскольку это показалось его отрокам удивительно, Давид отвечал им, что он не напрасно при жизни отрока постился и плакал, ибо справедливо воображал себе, что Бог может помиловать его; по смерти же его, не для чего ему поститься, ибо не может уже возратить мертвого: «зачем же мне поститься? Разве я могу возратить его? Я пойду к нему, а оно (т.е. дитя — ред.) не возвратится ко мне» ([2Цар.12:23](#)).

Какое великое утешение сетующего! Сколь справедливое рассуждение мудрого! Сколь удивительная мудрость служащего, что, то есть, никто не должен роптать на несчастное какое-либо приключение и жаловаться, будто бы против заслуг своих наказан! Кто ты есть? — измеряй прежде свои заслуги. Зачем желаешь опередить Сердцеведа? Зачем отнимаешь суд у имеющего судить? Это не позволено и самым святым, которые в противном случае несли наказание. Давид признает себя достойным наказания за то, говоря: «И вот, эти нечестивые благоденствуют в веке сем, умножают богатство. И я сказал: так не напрасно ли я очищал сердце мое и омывал в невинности руки мои, и подвергал себя ранам всякий день и обличениям всякое утро?» ([Пс 72:12-14](#)).

Петр хотя был исполнен веры, однако, не сознавая слабости человеческой, гордо сказал Господу: «я душу мою положу за Тебя» ([Ин.13:37](#)). За это надменное мнение впал в искушение, прежде нежели возгласил петух. Хотя искушение такое было руководством к спасению, да научимся не презирать плотской слабости, чтобы, презирая, не впасть в искушение. Если Петр искушен был, то кто о себе будет думать, что не может искушен быть? [Петр](#), без сомнения, искушен был за нас: ибо в крепчайшем не было опасности от искушения, но чтобы мы от него научились, каким образом противиться гонениям, желая сохранить свою жизнь, и чтобы мы искушение побеждали терпением.

Да не сочтет кто за противоречие в Писании, что Давид плакал об умершем убийце, а невинного не оплакивал. Он в печали своей сказал: «сыне мой Авессаломе, сыне мой, сыне мой Авессаломе, кто даст смерть мне вместо тебя?» ([2Цар.18:33](#)) Из этого видно, что оплакивает он не одного Авессалома, оплакивает убийцу, оплакивает Аммона: плачет о преступнике, но не

плачет о любезном сыне. Какая тому причина? Конечно, одна вера. Плакал он о тех умерших, но не считал за благо оплакивать умершего отрока: ибо о первых думал, что погибли, а в отношении последнего надеялся, что воскреснет.

Но о воскресении будем говорить после; теперь обратимся к суждению нашему. Сказали мы, что и святые мужи в мире этом претерпели многое тяжкое злое, не взирая на великие их дела; почему Давид говорит: «дни человека — как трава» ([Пс.102:15](#)). «Человек подобен дуновению; дни его — как уклоняющаяся тень» ([Пс.143:4](#)). В самом деле, что беднее нас быть может, которые как бы ограбленные и нагие оказываемся брошены в эту жизнь, с тленным телом, полным грешных поплзновений сердцем, со слабым духом, ленивые в трудах, склонные к сладострастию и роскоши?

Итак, гораздо лучше не родиться, по мнению мудрого Соломона, которому и самые превосходнейшие философы последовали. Он у Екклесиаста так говорит: «И ублажил я мертвых, которые давно умерли, более живых, которые живут доселе; а блаженнее их обоих тот, кто еще не существовал, кто не видал злых дел, какие делаются под солнцем. Видел я также, что всякий труд и всякий успех в делах производят взаимную между людьми зависть. И это — суета и томление духа!» ([Еккл.4:2-4](#)).

Эти слова произнес тот, кто просил у Бога премудрости, чтобы познать состав земли, силу и действия стихий, течение года, расположение звезд, свойство животных, гнев зверей, ветров усилия и помышления людей. Когда же знал небесное, то как не мог знать смертное? Когда мог изведать мысли жены, присваивающей себе чужого младенца, когда свойство животных не было от него скрыто вдохновением благодати Божией, то мог ли он погрешить в рассуждении о своей природе?

Это мнение не одного Соломона. Святой Иов также говорит: «Погибни день, в который я родился» ([Иов.3:3](#)). Этот великий муж знал, что рождение есть начало всех зол, и потому желал погибнуть дню своего рождения, чтобы принять день воскресения. Соломон слышал также отца своего говорящего: «Скажи мне Господи кончину мою и число дней моих, какое оно, дабы я знал, какой век мой» ([Пс.38:5](#)). Знал Давид, что нельзя здесь объять того, что совершенно, и для того устремлялся к будущим: ибо ныне разумеем и познаем отчасти, тогда же познаем, что совершенно, тогда откровенным лицом узрим не в гадании, но на самом деле величие и вечность Божию.

Однако, никто не устремлялся бы к концу, ежели бы не избегал бедствий этой жизни; и потому Давид объяснил причину этого говоря: «Вот, Ты дал мне дни, как пяди, и век мой как ничто пред Тобою. Подлинно, совершенная суета — всякий человек живущий» ([Пс.38:6](#)). Итак, почему медлим бежать от суеты? Иди для чего приятно нам тщетно беспокоиться в веке сем, собирать сокровища и не знать какому наследнику оставим их? Да пожелаем отряхнуть от себя бедствия и выйти из лукавого века, не иметь беспрестанного странствования и возвратиться к тому отечеству и природному нашему дому. Ибо здесь, на земле, мы — странники и пришельцы: надлежит нам идти туда, откуда сошли, надлежит желать и тщательно молить, да избавимся от лести и нечестия клеветников. Давид хотя и знал средство против того, однако сожалел, что продолжились дни его и обитал с грешными и нечестивыми. Что сотворю я, который исполнен и грехами, и не знаю средства?

Иеремия также оплакивает свое рождение следующими словами: «Горе мне, мать моя, что ты родила меня человеком, который спорит и ссорится со всею землею! никому не давал я в рост, и мне никто не давал в рост, а все проклиняют меня» ([Иер 15:10](#)). А когда мужи святые убегают жизни, и хотя их жизнь нам полезна, однако они в рассуждении относительно себя за бесполезную ее почитают, то что должно делать нам, которые принести пользы другим не можем и жизнь которых день ото дня более обременяется грехами, равно как бы рост на деньги

прибывает?

«Я каждый день умираю» ([1Кор.15:31](#)) — говорит апостол. Это изречение апостольское лучше тех, которые размышление о смерти называли философией: ибо те одобряли старание и усилие, а этот сам делом практиковал опыт смерти. И те — для себя, Павел же, сам будучи совершенен, умирал не для своей, но для нашей слабости. Размышление же о смерти не что иное есть, как некое отделение от тела и души: ибо сама смерть не что другое значит, как разлучение души от тела; но это — по мнению общему.

По Писанию же, смерть тройственная. Одна — когда умираем для греха и живем для Бога. Посему блаженна эта смерть, которая, будучи непричастна вине и предана Господу, отделяет нас от смертного и посвящает бессмертному. Другая смерть есть исход из этой жизни, ею умер праотец Авраам, праотец Давид и погребены с отцами своими: то есть, когда союз души с телом разрушается. Третья смерть, о которой сказано: «предоставь мертвым погребать своих мертвецов» ([Мф.8:22](#)). Этой смертью не только тело, но и душа умирает. «Душа согрешающая, та умрет» ([Иез.18:4](#)). Ибо умирает для Бога, не по слабости природы своей, но по вине. Но смерть эта есть не утрата жизни, но падение греха.

Итак, одна смерть духовная, другая — естественная, третья — в наказание. Но естественная смерть не есть то же, что в наказание: ибо Господь дал смерть не вместо казни, но взамен средства и излечения. Согрешившему Адаму предписано иное вместо казни, а другое — вместо исцеления и спасения: вместо казни, когда сказано: «за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травой; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят» ([Быт.3:17-19](#)).

В смерти имеешь прекращение казней: ибо против терния века сего и попечений мира, и прихотей богатства, подавляющих слово Божие, смерть дана вместо лекарства как конец всех зол. Ибо не сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей, возвратишься в землю; это определение было бы осудительное, как и то: проклята земля, терние и волчцы произрастит она тебе; но сказал: «в поте лица твоего будешь есть хлеб твой, доколе не возвратишься в землю» ([Быт. 3:19](#)). Это доказывает, что смерть — это, скорее, окончание казней наших, которым прекращается течение этой жизни.

Из этого довольно явно следует, что смерть не только не зло, но является добром. Люди желают ее как добра, как пишется: «В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее» ([Откр.9:6](#)). Будут искать ее те, которые говорить будут горам: «падите на нас», и холмам: «покройте нас» ([Лк.23:30](#)). Будет искать ее также душа согрешающая. Ищет тот богатый, пребывающий в аду, который желает, чтобы язык его был остужен перстом Лазаря.

Итак видим, что смерть эта есть приобретение, жизнь же — наказание. Почему и Павел говорит: «Ибо для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение» ([Флп.1:21](#)). Ибо что есть Христос, если не смерть тела и дух жизни? И для того умрем с Ним, да будем и пребывать с Ним. Да пожелаем всегда умирать: душа наша да научится ограждаться от похотей плотских и возвысит себя так, чтобы земные пристрастия не могли ее привлечь к себе, да примет образ смерти, да не будет подвержена казни смерти. Ибо закон плоти противится закону ума, как открыл нам апостол Павел, говоря: «но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» ([Рим.7:23](#)). Все имеем в себе чувствительную войну, но не все избавляемся, и потому несчастный я человек, если не буду искать средства против того.

Но какое средство? «Кто избавит меня от сего тела смерти?» ([Рим.7:24](#)) Благодать Божия об Иисусе Господе нашем. Имеем врача — да последуем врачеванию; врачевание наше есть

благодать Христова, тело же смертное есть наше тело. И для того будем странствовать от тела, да не удалимся от Христа и, будучи в теле, да не последуем за телесными: да не оставляем также и прав природы, но только желаем больше даров благодати, как и апостол говорит: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас.

Но это не всем нужно. Господи Иисусе! Не нужно мне, который никому не полезен, и умереть для меня — это приобретение, да не согрешу больше. Умереть — это приобретение для меня, который, утешая других, следует желанию брата: ибо не могу предать его забвению. Теперь люблю его больше, и больше жelaю его и для того в основном пишу это, чтобы он не был вырван из моей памяти. И это делаю я не против Писания, которое повелевает, чтобы желание мое было нетерпеливое, сожаление же чтобы смягчено было терпением.

Ты, брате, сотворил, да не боюсь смерти, — и о, когда б душа моя умерла в твоей душе! Этого жelaет себе Валаам как величайшего добра, будучи одарен духом пророчества: «Да умрет, — говорит он, — душа моя смертью праведников, и да будет кончина моя, как их!» ([Чис.23:10](#)) Справедливо Валаам по духу пророчества жelaет того: ибо он видел рождение Христово, видел Его победу, видел смерть, видел в Нем вечное воскресение людей и потому не страшится смерти, жelaя воскресения. Итак, душа моя да не умрет во грехе, и даже не примет греха: но да умрет в душе праведного, да воспримет его правду. Умиравший о Христе делается участником Его благодати в крещении.

Итак, не страшна смерть: не горестна она бедным, не тяжка даже богатым, не несправедлива даже в рассуждении старых, не ослабляющая храбрых, не вечна верным, не нечаянна мудрым. Сколь многие жизнь свою украсили одним именем хорошей смерти! Сколь многих жизнь была бесчестна, смерть же похвальна и полезна! Узнали мы, что смертью одного избавлены многие народы, смертью Императора прогнаны неприятельские войска, которых в жизни не мог победить.

Смертью мучеников благочестие защищено, вера умножена. [Церковь](#) утверждена, победили мертвые, побеждены гонители, и те, жизнь которых нам неизвестна, тех прославляем смерть; почему и Давид пророчески хвалился в восторге мысли своей: «Дорога, — говорит, — в очах Господних смерть святых Его!» ([Пс 115:6](#)) Этими словами он предпочитает смерть жизни. Сама смерть мучеников есть награждение жизни. Сверх всего того, смертью разрушается ненависть и злоба неприятелей. Словом, смертью Единого искуплен мир. Ибо Христос мог не умереть, когда бы захотел, но не благоволил убежать смерти, будто бы слабый и бессильный, и в противном случае не мог бы лучше избавить нас, нежели через Свою смерть. Итак, смерть Его есть жизнь всех. Смертью Его знаменуемся, смерть Его возвещаем и проповедуем, когда молимся и приносим жертву: смерть Его есть победа, таинство и годовое празднество мира. Что скажем еще о Его смерти, когда учит нас Божественный пример, что одна смерть искала бессмертия и сама себя искупила? Почему не обязательно соболеживать о смерти, ибо причиной есть общее спасение, не надо убегать ее, ибо Сам Сын Божий не погнушался ею. Порядок природы ненарушим, и что есть общее всем, то не может быть исключено в каждом.

Смерти не было в природе, но обратилась она после в природу. Ибо сначала Бог не установил смерти, но дал ее вместо лекарства. Вникнем в это нашим рассуждением, да не покажется кому противно. Ибо когда добро есть смерть, для чего написано: «Бог не сотворил смерти»; «но завистью диавола вошла в мир смерть»? ([Прем.1:13](#), [2:24](#)). В самом деле, творению Божию смерть была не нужна когда человек, будучи в раю, был награжден всеми благами, но по грехопадении, жизнь человеческая всегдашними трудами и несносными стопами сделалась несчастной, почему понадобилось определить конец злым, понадобилось, чтобы смерть возвращала то, чего жизнь лишилась, ибо бессмертие без благодати более тягостно, нежели

полезно.

Смерть эта происходит не от природы, но от злости: природа остается, злость умирает. Восстает, что было; и о, когда бы восстало, как от греха свободно, так чуждо и прежней вины! Что смерть зависит не от природы, доказывается тем самым, что будем мы те же, какие были. Посему или наказание за грехи наши понесем, или получим благодать за добрые дела. Природа восстанет также, как апостол говорит: «мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем» ([1Сол.4:16-17](#)). Те — первые, живущие же — вторые; они с Иисусом, и живущие через того же Иисуса.

Итак, нет причины бояться смерти и соболезовать о ней, когда жизнь, взятая от природы, обратно ей возвращается, или расточается на должность, которая предполагает веру и добродетель. Ибо никто сам себе не желал, чтобы так пребыл. Об Иоанне говорили, что обещано ему бессмертие, но этого ему не дано. Слова понимаем, мнения же о них производим сами. Сам Иоанн признается, что не обещано ему не умереть, чтобы пример этот не послужил другому к тщетной надежде. Когда желать того есть дерзновенная надежда, насколько дерзновенно безмерно сожалеть о событии обыкновенном.

Язычники утешают себя, по большей части, или правом природы, или бессмертием души, или тем, что бедствия суть всем общие. О, когда бы они были в этом мнении постоянны и бедную душу не переменили бы в разные смешные виды! Нам же, участью которых является воскресение, что творить подобает? Этому воскресению многие не верят, хотя благодати его отрицать и не могут. И для того постараемся доказать его всеми возможными способами.

Всякая вещь вероятно бывает или по разуму, или по примеру, или по тому, что так ей прилично. Опыту, например, положено заниматься тем, что, мы движемся; разум рассуждает, что движущее одарено особенной силой; пример — это когда из того, что поле дало плоды, примечаем, что и впредь даст; прилично — не оставлять дел добродетели и там, где вовсе не надеемся на какой-нибудь результат.

Надежда воскресения утверждается тремя доказательствами: разумом, всеобщим примером, свидетельством события, ибо многие воскресли. Разумом: ибо как вся наша жизнь состоит в сообществе тела и души, воскресение же будет наградой за добрые дела или казнью за нечестивые, то нужно воскреснуть телу, дела которого вместе судимы будут. И поскольку душа предстанет суду без тела, то когда надлежит дать ответ за себя и за тело?

Воскресение обещано всем, но потому с трудом ему верят, что оно не наша заслуга, но Божий дар. Надежду воскресения утверждает сам мир, состояние вещей, порядок родов, следующих один за другим, знаки рождения и смерти, перемену дня и ночи, следующих каждый день одно за другим. Сама земля не могла бы давать своих плодов, если бы влажность, испаряемая жаром солнечным по Божескому расположению, не восстанавливалась бы ночной росой. Что скажу о плодах? Не умирают ли они, когда упадают, и не воскресают ли, когда вновь возрастают? Что посеяно, то воскресает, и что умерло, то восстает и преобразуется в те же роды и виды. Как земля возвращает свои плоды, так и наша природа подражает тому же виду воскресения.

Почему сомневаешься, будто тело от тела не может воскреснуть? Сеется зерно, и восстает зерно; упадет яблоко, яблоко же и воскресает: зерно украшается цветом и облекается кожей. «Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие» ([1Кор.15:53](#)). Цвет воскресения есть бессмертие и нетление. Ибо что возжеланнее быть может вечного покоя и безопасности? Эти плоды суть многообразны, которыми человеческая природа изобилует по смерти.

Но удивляешься, каким образом сгнившее примет крепость, рассеянное соединится и

потерянное будет восстановлено. Не удивляешься, каким образом семена, разрушенные паром и стеснением земли, зеленеют, ибо они, соединясь с землей, разрушаются и сгнивают, а потом, оживлены будучи соком земным и жизненным неким жаром, испускают дух зеленеющей травы. Потом возрастают помалу в стебель, и природа, как попечительная мать, распределяет им особенные места, чтобы через то защитить их от жестокого мороза и излишнего солнечного жара; самый также плод, как бы из пеленок еще исходящий, ограждается колосьями, чтобы не мог его выбить дождь, рассеять ветер, и не склевали бы его малые птицы.

Итак, почему удивляешься, что земля принятых в недра свои людей снова возвращает, когда она принятые семена оживляет, восстанавливает, облекает, ограждает и защищает? Перестань сомневаться, что залог рода человеческого вера поручает земле, которая порученные ей семена с избытком возвращает и также залог рода человеческого не удержит у себя. Деревья возрастают от семени положенного, и воскрешают своим ожившим плодородием сгнившие плоды, давая им прежний вид, и это перерождение, продолжающееся многие годы, долговременностью своей побеждает самые века. Сгнивает ягода, восстает ветвь; сажается ветвь, рождается дерево. Или Божеское провидение касается только восстановления деревьев, о людях же нет никакого и попечения? Когда Бог не попускает погибать тому, что дал к употреблению человеческому, то попустит ли погибнуть человеку, созданному по образу Его?

Но невероятно тебе кажется, чтобы мертвые оживали; «Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет» ([1Кор.15:36](#)), всякий сухой плод, посеянный, воскресает. Но, говоришь ты, имеет он в себе сок. — Да и наше тело имеет кровь, имеет свою влажность, это есть сок нашего тела. Некоторые, рассуждая, что сухая ветвь не может возрасти, заключают то же и в отношении нашей плоти. Но плоть наша не суха, ибо всякая плоть от земли, земля же исполнена влажности. Сверх того, многие вещи рождаются и от сухой песчаной земли, ибо сама земля достаточную имеет в себе влажность. Или в человеке только переменяет свое свойство земля, рождающая всякую вещь? Из этого явствует, что то более по природе бывает, нежели против природы: по природе все рождающееся воскресает, а погибать — против природы.

Язычники, смущаясь, большей частью дерзают возражать: каким-де образом может быть, чтоб земля возвратила тех, которые поглощены или морем, или растерзаны зверями? Через это, кажется, сомневаются они не о самом воскресении, но о части его. Положим, что растерзанные тела не воскреснут, а воскреснут прочие, через это также не опровергается воскресение, когда исключается одно условие. Однако удивляюсь я, что и в этом сомневаются, как бы не все сущее от земли возвращалось опять в землю и на землю допускалось. Самое море поглощенные им тела человеческие, бия волнами, по большей части выбрасывает на берега. Но когда бы и этого не было, трудно ли соединить рассеянное и совокупить расточенное Богу, Которого слушает мир и Которому, повинуются немотствующие стихии? Не большее ли чудо оживить персть земли, нежели соединить ее?

В Аравии находится птица именем Феникс, которая после смерти своей вновь оживает; только не верим тому, чтобы люди могли воскресать. Повествуют, что птица эта, прожив определенные ей пятьсот лет и, предвидев естественно конец своей жизни, делает себе гнездо из ладана и смирны и других благовоний и, совершив свое дело, входит в это гнездо и умирает. После того, от влажности этой птицы рождается червячок и понемногу возрастает в тот же вид, и, получив крылья, начинает возобновленную свою жизнь отправлением должности благочестия. Ибо гнездо это или гроб с телом переносит из Эфиопии в Ликаонию, и таким образом тех мест жители по воскресении этой птицы познают, что пятьсот лет миновало. Некоторые же думают, что эта птица сама зажигает свое гнездо и снова из пепла оживает.

Но поскольку свойство природы многообразно, то, может, и вера эта сомнительна и, может быть, дух наш возвращается в начало своего происхождения. Мужчинам и женщинам

человеческий состав известен и, хотя кому и неизвестен, однако все думаем, что рождаемся из ничего, будучи столь малы, столь велики возрастаем! Можете догадаться, куда клонится наша речь. Откуда происходит эта глава и это чудное лицо? Художника его не видим, дело же его ясно зрим. Откуда происходит прямой вид, высокий стан, способность к деланию и хождению, живость в чувствах? Хотя орудия природы и неизвестны нам, но известно употребление их. Ты был семя, и твое тело есть семя тела, которое должно воскреснуть. Послушай Павла и познай, что ты семя: «сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в унижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное» (1Кор.15:42-44). И ты сеешься, как и прочие. Почему же удивляешься, что восстанешь, как и прочие? Потому веришь, что очами твоими видишь, этому же не веришь, потому что не видишь: «блаженны невидевшие и уверовавшие» (Ин.20:29).

Но пока не придет время и первому тому не верим: ибо не всякое время способно к воскрешению семян. В иное сеется пшеница, в другое рождается, в иное сажается виноградное дерево, в другое возрастают ветви и листья, и созревают ягоды, в иное сажается маслина, в другое, отягченная плодами, нагибается. Плоды прежде своего времени не рождаются, и рождающее не в своей власти имеет время рождения: самую общую мать всех зришь ты то безобразную и обнаженную, то процветающую и исполненную плодов, то засохшую и без всякого украшения. Желательно бы, кажется, ей было во всякое время не совлекать с себя золотого одеяния жатвы и зеленеющих лугов: но сама пребывает в недостатке и за доставление другим выгод, не получает никакой награды.

Таким образом, хотя не веришь ты воскресению по вере, не веришь по примеру, но будешь верить по самому опыту. Последняя часть года способствует созреванию винограда, олив и других разных плодов: так и кончина света, как бы последняя часть года, определена к воскресению нашему. И это превосходно, чтобы мы по воскресении снова не были уже переселены в злой этот век. Ибо Христос пострадал для того, чтобы избавить нас от лукавых этих дней, да не будем вновь подвержены искушениям мира. Притом не было бы пользы перерождаться, когда бы перерождались на мучение.

Итак, известна нам причина воскресения, известно и время: причина — ибо природа во всех плодах равно соответствует себе и в рождении людей одного за другим не различается; время — ибо все рождается в конце года. Времена света один год есть, и удивительно ли, что все за один год считается, когда один день есть? В один день Господь нанял делателей к винограду, говоря: «что вы стоите здесь целый день праздно» (Мф.20:6)?

Причиной рождения являются семена. Языков же учитель тело человеческое называет семенем. Следственно, когда бывает сеяние, то бывает и воскресение. Когда бы не было существа или причины, то, может, счел бы кто за трудное Богу переродить людей, каким бы образом ни захотел: Богу, который как скоро повелел быть свету из ничего, так скоро и сделался из ничего. Взгляни на небо, посмотри на землю: откуда сияние звезд произошло? Откуда круг солнца и лучи его? Откуда луна? Откуда вершины гор, крепкие камни и леса? Откуда разлился воздух или излились воды? Если же все это сотворил Бог из ничего. «Он сказал, и они сделались, повелел и сотворились» (Пс.148:5), удивительно ли, чтобы то снова родилось, что было уже, когда видим рожденное то, чего прежде не было?

Удивления достойно, что язычники, хотя и не верят воскресению мертвых, однако, как бы так сказать, милостиво промышляют, чтобы род человеческий не погиб, и потому утверждают, что души переходят в другие тела. Но пусть они сами скажут, что труднее, переходить ли душам в другие тела, или возвращаться снова в свои?

Пусть они сомневаются, будучи не научены, мы же, читая закон, пророков, апостолов и Евангелие, почитаем то за непристойное. Ибо кто усомнится, читая в Данииле пророке

следующие слова: «но спасутся в это время из народа твоего все, которые найдены будут записанными в книге. И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление. И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде как звезды, вовеки, навсегда» ([Дан.12:1-3](#)). Прекрасно пророк сказал: многие из спящих, чтобы через то ты познал, что смерть не есть вечная, но уподобляется сну, на время определенному, через это показывается также, что будущая по смерти жизнь лучше той, которую мы прежде смерти препровожаем в скорбях и болезнях. Ибо та сравнивается с звездами, а эта с горестями и печалью соединена.

Святой Иов, испытав бедствие этой жизни и все несчастья преодолев своим терпением, за настоящее злое в награждение обещает себе воскресение, говоря: «Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога» ([Иов.19:25-26](#)). Также Исаия пророк, возвещая народам воскресение, говорит: «Поглощена будет смерть навеки... ибо так говорит Господь» ([Ис.25:8](#)). Что же говорят народы по слову Господню, далее объясняется: «Были беременны, мучились, — и рождали как бы ветер; спасения не доставили земле, и прочие жители вселенной не пали. Оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела! Воспряните и торжествуйте, поверженные в прахе: ибо роса Твоя — роса растений, и земля извергнет мертвецов. Пойди, народ мой, войди в покои твои и запри за собой двери твои, укройся на мгновение, доколе не пройдет гнев» ([Ис.26:18-20](#)).

Прекрасно гробы мертвых назвал храминой, в которой мало укрываемся, да с меньшей тяжестью сможем прийти на суд Божий, строгость которого справедливо понесем за беззакония наши. И так скрывающийся живет, как бы уступая и бегая, да не постигнут его тягчайшие узы горестей мира. Ибо изречение Божеское пророческим голосом обещает радость воскресения и исцеление тел, оживляемых Божественной росой. И когда роса оживотворяет все плодоносные семена земли, то удивительно ли, что и прах рассеявшегося тела нашего от небесной росы сделается плодоносен и, приняв жизненную влажность, преобразится в состав членов наших?

Святой также пророк Иезекииль с полным объяснением описывает, каким образом сухие кости снова получают свою силу, чувство и движение, каким образом опять составляются жилы и тела человеческого состав приходит в прежнюю крепость, каким образом иссохшие кости облекаются новой плотью, жилы и кров потоки покрываются кожей. Когда мы читаем пророческие слова, то кажется, что тела человеческие восстают, и будто видим, что самые пространные поля производят новые семена.

Древние мудрецы за вероятное почитали то повествование, будто бы в Фебанской стране из рассеянных гидриных зубов родилось множество вооруженных людей. Но когда всякие семена не могут переменить своего природного свойства и производить другого плода, как например, чтобы люди родились от змеи, плоть возросла от зубов, тем более надобно верить тому, что посеянное восстает в свою природу, не различаясь от свойства своего: мягкое не оживает от твердого, ни твердое от мягкого, яд не превращается в кровь, но восстанавливается плоть от плоти, кость от костей, кровь от крови, влажность от влажности. Итак, вы, язычники, преобразование природы отрицаете, а ее изменение утверждаете. Не верите Божеским изречениям, Евангелию и пророчествам, напротив, верите пустым басням.

Но послушаем самого пророка, так говорящего: «Была на мне рука Господа, и Господь вывел меня духом и поставил меня среди поля, и оно было полно костей, и обвел меня кругом около них, и вот весьма много их на поверхности поля, и вот они весьма сухи. И сказал мне: сын человеческий! оживут ли кости сии? Я сказал: Господи Боже! Ты знаешь это. И сказал мне: изреки пророчество на кости сии и скажи им: «кости сухие! слушайте слово Господне!» Так говорит Господь Бог костям сим: вот, Я введу дух в вас, и оживете. И обложу вас жилами, и выращу на вас плоть, и покрою вас кожей, и введу в вас дух, и оживете, и узнаете, что Я

Господь. Я изрек пророчество, как поведено было мне; и когда я пророчествовал, произошел шум, и вот движение, и стали сближаться кости, кость с костью своею» ([Иез.37:1-7](#)).

Здесь пророк показывает, что в кости прежде вливается слышание и движение, нежели дух жизни. Ибо иссохшим костям повелевается прежде слышать, как будто бы они имели чувство слуха: и пророческие здесь слова означают, что каждая кость соединилась в свой состав: «и стали сближаться кости, кость с костью своею. И видел я: и вот, жилы были на них, и плоть выросла, и кожа покрыла их сверху, а духа не было в них» ([Иез. 37:7-8](#)).

Великое Божие милосердие! Что свидетелем будущего воскресения представляется пророк, чтобы и мы очами зрели его. Ибо не все могли быть свидетелями того, но в одном все свидетели мы: поскольку святого мужа и столь великого пророка во лжи или погрешности подозревать нельзя.

И это не недостойно вероятия, что по повелению Божию кости преобразуются в свой состав, ибо бесчисленные имеем примеры тому, что природа повиновалась небесным повелениям. Так ведено земле прорасти травы — и произрастила; при ударе жезла из камня вышла вода для жаждущих народов; жезл превратился в змия. Это не что иное означает, как то, что по благоволению Божию из нечувственного может произойти нечто чувственное. Или не столь достойно вероятия то, что кости сокоупляются, нежели что река возвращается вспять и море бежит, как повествует пророк: «Море увидело и побежало; Иордан обратился назад» ([Пс.113:3](#)). Нельзя сомневаться и в том, что два народа, один своим спасением, а другой погибелью своей ясно доказали, что течение воды остановилось, и одни погружены в море, другие же пребыли целы и невредимы. В самой Евангелии не доказал ли Господь, что по одному слову утихают волны, прогоняются облака, уступают ветры и немотствующие стихии работают Богу?

Но послушаем, каким образом мертвые оживляются духом жизни, восстают лежащие во гробах. «Тогда сказал Он мне: изреки пророчество духу, изреки пророчество, сын человеческий, и скажи духу: так говорит Господь Бог: от четырех ветров приди, дух, и дохни на этих убитых, и они оживут. И я изрек пророчество, как Он повелел мне, и вошел в них дух, и они ожили, и стали на ноги свои — весьма, весьма великое полчище. И сказал Он мне: сын человеческий! кости сии — весь дом Израилев. Вот, они говорят: «иссохли кости наши, и погибла надежда наша, мы оторваны от корня». Посему изреки пророчество и скажи им: так говорит Господь Бог: вот, Я открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших и введу вас в землю Израилеву. И узнаете, что Я Господь, когда открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших, и вложу в вас дух Мой, и оживете, и помещу вас на земле вашей, и узнаете, что Я, Господь, сказал это — и сделал, говорит Господь» ([Иез.37:9-14](#)).

Видели мы, каким образом мертвые принимают дух жизненный и восстают из гробов. Удивительно ли, что по повелению Господню отверзаются гробы мертвых, когда вся земля единым громом колеблется в пределах своих, море выходит из своих границ, и опять удерживает течение своих вод! «Вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся» ([1Кор.15:52](#)). Верующий этому прежде всего восхищен будет в сретение Господне на воздухе, неверующий же останется и неверием своим сам себя подвергнет суду.

Показывает тебе Господь в Евангелии, каким образом воскреснем: ибо не одного Лазаря воскресил, но веру всех. Когда ты, читая, веришь, то и мысль твоя, которая была мертва, в Лазаре этом оживает. Что Господь, придя ко гробу, «воззвал громким голосом: Лазарь! Иди вон» ([Ин.11:43](#)); это сделал Он для того, чтобы показать образ и пример будущего воскресения. Для чего вскрикнул голосом, когда мог действовать духом, когда мог повелеть молча! Конечно, для того, чтобы показать написанное: «Вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо

вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся» ([1Кор.15:52](#)). Ибо труба издает свой звук от повышения голоса. И возвал: Лазарь, иди вон. Для чего также добавляется имя? Конечно, для того, чтобы один восставший не принят был за другого, или бы воскресение не показалось бы случайным, а не по повелению происшедшим.

Итак, услышал умерший и вышел из гроба: обвит по рукам и ногам погребальными пеленами, и лице его обвязано было платком. Можешь ли понять, каким образом Лазарь с завязанными глазами и ногами вышел из гроба? Были на нем узы, но не удержали: покрыты были глаза, но видели. Ибо силой Божеского приказания природа оставила свое действие, оставила свой порядок, повинувшись Творческому гласу, разрешились узы смертные прежде, нежели узы гроба: сила Божеская действовала прежде, нежели начал ходить.

Если это тебе удивительно, то познай, кто это повелел, да перестанешь удивляться: [Иисус Христос](#), Божия сила, жизнь, свет, воскресение мертвых: сила поставила на ноги лежащего, жизнь дала хождение, свет прогнал тьму, возвратил зрение, воскресение же даровало жизнь.

Но, может, смущает тебя то, что иудеи отняли тогда камень и выпустили Лазаря; или и ты помышляешь о том, кто бы отвалил камень от гроба твоего? Не мог ли отнять камня тот, кто снова влил дух жизни? Или развязать узы позволивший ходить связанному? Или открыть лицо давший закрытым глазам свет? Не мог ли разрушить камень воскресивший мертвого? Но хотя бы они поверили своим глазам, когда мыслью не хотели верить. Отнимают камень, видят труп, чувствуют смрад, разрешают перевязку: не могут отрицать умершего, видя его восставшего из мертвых, видят знаки смерти, видят и дары жизни. Но слыша то, верят ли хоть своим ушам? И видя, укрепляются ли собственными своими глазами? Разрешая узы, разрешают ли свои мысли? Освобождается ли народ, когда с Лазаря снимают одежду? Возвращаются ли ко Господу, оставляя идти Лазаря? Однако пишется: «Тогда многие из Иудеев, пришедших к Марии и видевших, что сотворил Иисус, уверовали в Него» ([Ин.11:45](#)).

Но не один этот пример показал Иисус Господь: воскресил и других, чтобы мы, видя многие примеры, уверовали. Воскресил юношу, будучи убежден плачем вдовы матери: «И, подойдя, прикоснулся к одру; несшие остановились, и Он сказал: юноша! тебе говорю, встань! Мертвый, поднявшись, сел и стал говорить» ([Лк.7:14-15](#)). Как скоро услышал, тотчас сел и начал говорить. Ибо иная сила есть благодати и иной порядок природы.

И удивительно ли, что на глас Божий возвращается душа, возвращается костям кожа, когда от единого прикосновения пророческого тела воскрес мертвый. Помолился Илия и воскресил умершего отрога. Петр именем Христовым Тавифе повелел встать и ходить; и многие тогда бедные, радуясь, думали, что жизнь возвращена ей для творения милостыни, а мы и для спасения еще не веруем. Они воскресение ближнего испросили своими слезами, а мы не верим в существование воскресения и для страдания Христова. Когда Иисус испускал дух, чтобы показать, что умер для воскресения нашего, тогда и самый порядок воскресения явил. Ибо пишется: «Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух. И вот, завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу; и земля потряслась; и камни расселись; и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святой град и явились многим» ([Мф.27:50-53](#)).

Когда при испускании духа Христова сделались столь удивительные вещи, то почему они невероятны нам во время пришествия Христова на суд? А тем более, что это воскресение есть доказательство воскресения будущего и примером будущей истины, пример же есть меньше, нежели сама истина. Но кто во время Господня страдания открывал гробы, подавал восстающему руку и показывал дорогу к святому граду? Ежели не было никого, то сила Божеская была и действовала в телах умерших. Ты ищешь помощи человеческой там, где видишь дело Божие.

Божеские дела не требуют человеческой помощи. Повелел Бог быть небу — и сделалось,

определил сотворить землю — и сотворена. Кто собирал камни и каким иждивением? Кто творящему Богу служил? Во мгновение ока все это сделалось. Желаете знать, как скоро? Сказано — сделано. (У пер.: Рече и быша. — Ред.) Когда по слову Господню восстают стихии, то почему по слову Его не восстанут мертвые, которые хотя и мертвы, но жили некогда и имели дух чувствования, имели силы к действию? Иначе лучше быть бездушным и не иметь чувства. Дьявол сказал Спасителю: «вели этому камню сделаться хлебом» ([Лк.4:3](#)). Признается [дьявол](#), что по повелению Господню природа может превратиться, а ты не веришь, что по слову Господню может та же природа преобразиться.

О течении солнца и стоянии неба рассуждают философы, и многие верят их рассуждениям, хотя они сами не знают, что говорят. Ибо никто из них не восходил на небо, не измерял оси и целого света не видал своими глазами, ибо никто не был с Богом в начале, никто из них не сказал о Боге: «Когда Он уготовлял небеса, я была там. ...была при Нем художницею, и была радостью всякий день» ([Притч.8:27-30](#)). Итак, верим мы философам, а не верим Богу говорящему: «Ибо, как новое небо и новая земля, которые Я сотворю, всегда будут пред лицем Моим, говорит Господь, так будет и семя ваше и имя ваше. Тогда из месяца в месяц и из субботы в субботу будет приходить всякая плоть пред лице Мое на поклонение, говорит Господь. И будут выходить и увидят трупы людей, отступивших от Меня: ибо червь их не умрет, и огонь их не угаснет; и будут они мерзостью для всякой плоти» ([Ис.66:22-24](#)).

Если возобновляется земля и небо, то каким образом сомневаемся о возобновлении человека, для которого земля и небо сотворены? Ежели преступник бережется для казни, то почему праведный не пребудет вечен во славу? Ежели червь грехов не умирает, то почему погибнет плоть праведных? Это есть воскресение, как само слово Божие изображает: что упало, то восстанет, что умерло, то оживет.

Порядок справедливости требует, что когда действия у души с телом общие (ибо что дух помышляет, то тело приводит в действие), то надлежит им обоим предстать на суд, обоим преданным быть или на казнь, или соблюденным в славу, поскольку закон плоти противится закону духа и дух делает по большей части то, что ненавидит. Потому что живущий в человеке [грех](#) плоти действует, то непристойно и несправедливо, чтобы одна душа, будучи причастна вине, наказывалась, а плоть бы наслаждалась покоем, будучи виновницей печалей, чтобы осуждена была одна душа, которая не одна грешила, или чтобы славу получила одна душа, которая не одна воинствовала.

Справедливая причина! Но я причины от Христа не требую, ибо ежели убеждаюсь причиной, то отрицаю веру. Веровал Авраам Богу, и мы должны верить, чтобы мы, происходя от рода его, были участниками веры его. Веровал и Давид, да веруем и мы: «зная, что Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас и поставит перед Собою с вами» ([2Кор.4:14](#)). Это обещано от Бога истинного во веки, обещано от истины, в Евангелии говорящей: «Воля же пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что он Мне дал, ничего не погубить, но все то воскресить в последний день» ([Ин.6:39](#)). И снова повторяет: «Воля пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день» ([Ин.6:40](#)).

Это говорит тот, который смертью своею воскресил многие тела умерших. Если не верим Богу, то не верим и примеру: не верим обещанному от него, хотя Он и то делал, чего и не обещал. Сам же Бог какую имел причину умирать, ежели бы не имел причины воскреснуть? Ибо Бог не мог умереть, не могла умереть премудрость; а что не умерло, то воскреснуть не могло, и так приемлется плоть, могущая умереть, чтобы умершее воскресло. Ибо воскресение не могло быть иначе, как через человека: «Ибо, как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых» ([1Кор.15:21](#)).

Итак, воскрес человек, ибо умер человек; восстановлен человек, восстановленный Богу. Тогда по плоти человек, ныне же по всему Бог, ибо ныне по плоти Христа уже не познаем, а только имеем благодать плоти Его, да познаем Его первенца, воскресшего из мертвых. Первые плоды -того же рода и свойства, какого и другие: первые же приносятся Богу плодородия ради, как бы дар священный вместо всех и как бы некоторая жертва возобновленной природы. Почему первенец умершим есть Христос, но своим ли умершим, которые, как бы не участвуя в смерти, наслаждаются неким сном, или всем умершим! «Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут» ([1Кор.15:22](#)). Посему как начало смерти есть во Адаме, так начало воскресения во Христе.

Все встают, никто да не отчаивается: праведный да не соболезнует об общей судьбе воскресения, ожидая особенного плода добродетели. Все воскреснут, но каждый, как Апостол говорит, в своем порядке. Божеского милосердия плод есть общий, порядок же заслуг различный. День светит всем, солнце согревает все народы, дождь каждого землю творит плодородной.

Все рождается, и все воскреснем, но состояние как жизни, так и воскресения различно. «Вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся» ([1Кор.15:52](#)). Святой Павел спящего возбуждает к жизни, говоря: «Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос» ([Еф.5:14](#)). Спящий возбуждается, чтобы жил и был подобен Павлу, и мог бы сказать: «мы, живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших» ([1Сол.4:15](#)). Ибо Павел говорит здесь не об общем употреблении дыхания и жизни, но о заслуге воскресения. Потому что, сказав: «и мертвые во Христе воскреснут прежде», прибавляет: «потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе» ([1Сол.4:16-17](#)).

Умер Павел, и славным страданием своим телесную жизнь переменял на бессмертную славу. Итак, обманул ли тот, который писал о себе, что живой был восхищен на облаках в сретение Христу? Это читаем о Енохе и Илии: но и ты так же восхищен будешь в духе. Эти колесницы Илии, эти огни, хотя они и невидимы, приготавливаются, да праведный перенесен будет от земли на небо и жив будет вовеки. Апостолы не знали смерти, почему и сказано: «Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем» ([Мф.16:28](#)). Ибо живет тот, кто не имеет, что могло бы умереть в нем, кто не имеет из Египта сапога или какого-либо обязательства, но совлекает с себя его прежде сложения должности телесной. Посему не один Енох жив, ибо не один восхищен: восхищается и Павел в сретение Христу.

Живы также патриархи, ибо иначе в святом Писании не упоминалось бы: Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова; потому что «Бог же не есть Бог мертвых, но живых» ([Лк.20:37-38](#)). Будем живы и мы, ежели будем подражать делам и нравам праотцов наших. Удивляемся награждению праотцов, да последуем и послушанию их, восхваляем благодать данную им, да подражаем и повиновению их, чтобы, увлекаясь прелестями, не впасть в сети века. Да не оставляем благое время, да примем предписание закона, милосердное звание, желание к страданиям. Вышли из земли своей праотцы, да бежим и мы власти и насилия телесного намерением нашим; мы — намерением, а они — бегством из отечества, но праотцы не сочли это за ссылку, ибо делали то по благочестию, а не по принуждению. Они променяли землю на землю, а мы землю переменяем на небо, они — обитанием, а мы — духом. Им премудрость показала небо, блещущее звездами, а для нас да просветит она очи сердца нашего. Таким образом прообраз с истиной и истина с прообразом сходны.

Авраам, всегда готовый к принятию странников, верный Богу, усердный и скорый к услугам, видел святую Троицу в прообразе: странноприимство свое украшал он благочестием,

принимая Трех, Одному же поклоняясь, храня разделение лиц, нарицал одного Господа, почитая в Трех одну власть. Ибо в нем не учение действовало, но благодать, и он лучше верил, будучи не научен, нежели мы наученные. Ибо никто не допускал обмана в прообразе истины и потому Авраам, видя Трех, почитал Единого. Берет три меры чистой муки, закладывает одного тельца, уверяя себя, что дар, принесенный Трем, есть единая жертва. Ибо читая о четырех царях в книге Бытия, кто не понимает, что Авраам знамением прообраза страстей Господних покорил себе как вещественные стихии, так и все земное? Был он верен на войне, умерен в победе и желал обогатить себя дарами Божескими больше, нежели человеческими.

Авраам верил, что и в старости может у него родиться сын, не усомнился принести в жертву сына своего; не трепетала в нем отеческая любовь; ибо рука его подкрепляема была благочестием. Уверяя себя, что сын его будет приятная жертва Богу, приводит его на заклание, не удерживается от того взаимными восклицаниями: отче, и чадо! Приятны ему были эти восклицания, но приятнее повеление Бога. Итак, хотя и сострадали сердца, но желание не прекращалось. Отеческой рукой принял меч для казни сына и боялся, чтобы не ошибиться при ударе, чувствовал любовь, но не оставлял благочестивого своего дела. Спешил проявить послушание и в самое то время, когда слышал Божеский глас. Почему и мы должны предпочитать Бога всем, кого любим — предпочитать отцу, братьям, матери, чтобы Он сохранил нам любезных наших, как видим в Аврааме.

Отец принес сына в жертву, но Бог умилоливляется не кровью, а почтением и страхом к Нему. Вместо человека Бог показал овна, чтобы сына возвратить отцу и чтобы жрец не лишен был жертвоприношения. Итак, Авраам не окровавил свои руки, и Богу жертва принесена. Повинуясь Божескому голосу, охотно переменял человека на овна. И это все является знаком сколь благоговейно было его жертвоприношение. Почему когда и ты приносишь Богу дар, не теряешь его. Но мы скупостью ослеплены. Бог едиnorodного Сына Своего предал за нас на смерть, а мы жалеем своих детей. Авраам познал то таинство, что спасение наше совершится на дереве.

Итак, да подражаем набожности Авраама, да подражаем добросердечию и чистоте Исаака. Подлинно этот последний, муж был добросердечен, усерден Богу и целомудрен по отношению к жене, обид своих не отомщал, но более уступал и раскаявшимся дарил свои любовь и дружелюбие, избегал ссор и легко склонен был к прощению.

Да подражаем также в Иакове предзнамению Христа, да будут дела наши хотя несколько подобны его делам. Иаков повиновался матери, уступил брату, служил тестю, за труды награждения требовал не от самого стада, но от его приплода. Лествица, достигающая от земли до неба, предзнаменовала, что через Христов крест соединятся [ангелы](#) и люди. «Повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с Ним» ([Быт.32:25](#)), чтобы он познал своего наследника, и повреждение бедра предзнаменовало бы несчастье и страдание того же наследника.

Почему небо открыто добродетели? «Многие», пишется, «придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном» ([Мф.8:11](#)), наслаждаясь вечным покоем без всякого смущения души. Да последуем Аврааму правами нашими, чтобы принял он нас в свои недра, как Лазаря, украшенного кротостью и другими добродетелями. Наследниками святого праотца можем мы быть не по телу, но по добрым нашим делам. Апостол говорит: Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает.

Из этого видим, сколь великое святотатство — не верить воскресению, ибо если мы не воскреснем, следственно, Христос умер напрасно, следственно, Христос не восстал от мертвых, если не воскрес для нас, то, следственно, и никогда не воскресал, не имея нужды в воскресении. Воскрес в Нем мир, воскресло небо, воскресла земля. Так как небо будет ново, и земля нова. Для Него же Самого нужно ли было воскресение, когда узы смертные не удержали Его? Хотя умер

Он как человек, но в самом аду был свободен.

Желаешь знать, насколько свободен? Ибо «знает», — пишется — «Господь путь праведных, а путь нечестивых погибнет» (Пс.1:6). И конечно, был свободен Тот, Кто мог Себя воскресить, как пишется: «разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его» (Ин.2:19). Конечно, свободен сошедший для искупления других. Став как человек (У пер.: Бысть яко человек — Ред.) не видом, но истиной, и этого человека кто познает? «Но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Флп.2:7-8); чтобы мы через это послушание увидели «славу Его, славу, как Единородного от Отца» (Ин.1:14). И это сказано для того, чтобы во Христе и слава единородного, и природа совершенного человека соблюдена была.

Итак, сотворивший свет не требовал помощника в искуплении. Не посланник или вестник, но Сам Господь спасет Его. «Ибо Он сказал, — и сделалось» (Пс.32:9); Сам Господь спас Его: кто помощник Ему, когда «все Им стоит» (Кол.1:17)? Кто помощник Ему, когда все творит во мгновение ока и воскрешает мертвых при последней трубе? Пишется, при последней трубе, а не при первой, второй или третьей, и это для того, чтобы сохранить порядок.

Время нам упомянуть о роде труб; ибо слово наше клонится уже к концу, чтобы знаком этого конца также была труба. Святой Иоанн в Апокалипсисе своем упоминает о семи трубах, взятых семи ангелами. «И седьмой Ангел вострубил, и раздались на небе громкие голоса, говорящие: царство мира соделалось царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков» (Откр.11:15). Труба также принимается и за голос, ибо пишется: «После сего я взглянул, и вот, дверь отверста на небе, и прежний голос, который я слышал как бы звук трубы, говоривший со мною, сказал: взойди сюда, и покажу тебе, чему надлежит быть после сего» (Откр.4:1). Читаем также: «трубите в новомесячии трубою» (Пс.80:4). А в другом месте: «Хвалите Его со звуком трубным» (Пс.150:3).

Что означают упомянутые трубы, то должны мы принимать в свое рассуждение, не считая то за басню, недостойную писания. Ибо когда читаем: «потому что наша брань не против крови и плоти, но... против духов злобы поднебесных» (Ефес.6:12), то и «оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь» (2Кор.10:4). Не довольно видеть трубу и слышать глас ее, но надлежит знать свойство звука. Ибо ежели глас трубы будет неизвестен, то как может кто подготовить себя к войне? Почему должно нам знать силу и свойство трубы, да не явимся грубы и неискусны при слышании гласа трубного. И для того должны мы молиться, чтобы Сам Дух Святой истолковал нам их.

Из древнего писания, упоминающего о роде труб, видим мы, что празднества, предписанные иудеям законом, суть тень высшего и небесного торжествования. Ибо здесь тень, а там истина: через тень же постараемся достигнуть истины. В Левитских книгах пишется: «И сказал Господь Моисею, говоря: скажи сынам Израилевым: в седьмой месяц, в первый день месяца да будет у вас покой, праздник труб, священное собрание да будет у вас; никакой работы не работайте и приносите жертву Господу» (Лев.23:23-25). В Числах же пишется: «И сказал Господь Моисею, говоря: сделай себе две серебряные трубы, чеканные сделай их, чтобы они служили тебе для созывания общества и для снятия станов; когда затрубят ими, соберется к тебе все общество ко входу скинии собрания; когда одною трубою затрубят, соберутся к тебе князья и тысяченачальники Израилевы; когда затрубите тревогу, поднимутся станы, становящиеся к востоку; когда во второй раз затрубите тревогу, поднимутся станы, становящиеся к югу; когда затрубите в третий раз тревогу, поднимутся станы, становящиеся к морю; когда в четвертый раз затрубите тревогу, поднимутся станы, становящиеся к северу; тревогу пусть трубят при отправлении их в путь; а когда надобно собрать собрание, трубите, но не тревогу; сыны Аароновы, священники, должны трубить трубами: это будет вам постановлением вечным в роды

ваши; и когда пойдете на войну в земле вашей против врага, наступающего на вас, трубите тревогу трубами, — и будете воспомянуты пред Господом, Богом вашим, и спасены будете от врагов ваших; и в день веселия вашего, и в праздники ваши, и в новомесячия ваши трубите трубами при всесожжениях ваших и при мирных жертвах ваших, — и это будет напоминанием о вас пред Богом вашим» ([Чис.10:1-10](#)).

Что же, будем ли мы праздники почитать, проводя их во вкушении пищи и питье? Но никто да не осуждает нас за пищу: «закон духовен, а я плотян» ([Рим.7:14](#)). «Да никто не осуждает вас за пищу, или питье, или за какой-нибудь праздник, или новомесячие, или субботу: это есть тень будущего, а тело — во Христе» ([Кол.2:16-17](#)), которое явил нам как бы в последней трубе Отческий глас с неба тогда, когда иудеи восклицали: «это гром» ([Ин.12:29](#)); тело Христово, которое, с другой стороны, при последней трубе явится нам: «потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде» ([1Сол.4:16](#)). «Где труп, там соберутся и орлы» ([Лк.17:37](#)), где тело Христово, там и истина.

Седьмая труба означает покой седмицы, которая не только считается в днях и годах и также периодах, но еще заключает и семидесятый год, когда возвратился в Иерусалим израильский народ, бывший семьдесят лет в плену. В сотнях и в тысячах также не опускается священное число; ибо не напрасно Бог сказал: «Я оставил между Израильтянами семь тысяч мужей; всех сих колени не преклонялись пред Ваалом, и всех сих уста не лобызали его» ([3Цар.19:18](#)). Потому тень будущего покоя в днях, месяцах и годах изображается временем самого мира и для того через Моисея приказывается сынам израильским, чтобы в седьмой месяц, в один день, каждому был покой в память труб, и тогда, никакой не отправляя работы, приносили бы Богу жертву, потому что в самом конце седмицы, как бы в субботу мира, требуются деда духовные, а не плотские. Ибо плотское подлежит рабству, потому что плоть служит духу, непорочность творит свободным, а вина — рабом.

Итак, духовным вещам надлежало быть через зеркало и в гадании, как говорит Апостол: «теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу» ([1Кор.13:12](#)); ныне по плоти воинствуем, тогда же духом узрим Божественные таинства. И потому начертание истинного закона да изобразится в наших нравах, какими ходим во образе Божиим: ибо тень закона уже пришла, тень — иудеям плотяным, образ — нам, а истина — имеющим воскреснуть. Эти три вещи, то есть тень, образ и истину познали мы по закону: тень — в законе, образ — в Евангелии, истину — на суде. Но вся суть — Христова, и вся — во Христе, которого ныне поистине лицезреть не можем, но видим Его как в некоем изображении будущего, тень которого познали в законе, почему Христос не тень, но образ Божий, не пустой образ, но истина. И для того «закон дан чрез Моисея» ([1Ин.1:17](#)), ибо тень — через человека, образ — через закон, истина — через Иисуса. Потому что истина происходит от истины же.

Кто желает видеть этот образ Божий, тот должен любить Бога, да и Сам Бог возлюбит его, и будет не раб, но друг, творящий волю Господню, и сможет войти во облако, где Сам Господь. Тот да сотворит себе две трубы серебряные, то есть украшенные неоцененным словом, от которых происходил бы не страшный звук, но беспрестанная благодарность высшему Богу. Ибо звуком таких труб возбуждаются мертвые, оживляясь не звучанием меди, но словом истины. И, может, эти две трубы есть те, через которые святой Павел Божественным духом возгласил, говоря: «Стану молиться духом, стану молиться и умом; буду петь духом, буду петь и умом» ([1Кор.14-15](#)). Ибо одно без другого не может быть совершенно.

Но не всех полагается воспевать обеими трубами и собирать весь сонм, а это преимущество дано одним только священникам и служителям Божиим, что всякий, слыша глас их, шествует к скинии собрания, исполненной славы Господней, чтобы увидеть дела Божии и получить то

законное и вечно жилище в потомственное свое владение. Ибо совершается тогда война и прогоняется неприятель: когда воспоем благодать духа, воспоем и ум.

Спасительны те трубы, ежели будешь верить сердцем и исповедовать устами: «потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению» ([Рим.10:10](#)), — говорит апостол. Сугубой этой трубой доходим до той святой земли, до благодати, то есть воскресения, и для того да трубят тебе всегда те трубы, чтобы ты всегда слышал глас Божий, всегда ангельские и пророческие изречения да побуждают тебя ревностно стремиться к вышним.

Эту мысль святой Давид всегда носил в уме своем, говоря: «потому что я ходил в многолюдстве, вступал с ними в дом Божий со гласом радости и славословия празднующего сонма» ([Пс.41:5](#)). Ибо звуком этих труб не только побеждают неприятели, но и новомесячия, и празднества без них не могут быть. Не принимающий Божеских обещаний и не верующий слову Его не может радоваться и праздновать новомесячия, не может оставить упражнений века и желать исполниться света Христова. Сами жертвы также не могут быть приятны Богу без устного исповедания священников, которое побуждает народ к просьбе о Божией благодати.

Поистине да восхваляем Господа в гласе трубном, воображая о силе Его не что-либо малое и подлое, но то, что может наполнить ум и проникнуть в тайны совести: приличествующее телу да не почитаем за приличное Божеству. Величие Божией силы да не измеряем человеческими силами: не должны изыскивать, каким образом кто воскреснет, с каким телом восстанет или каким образом разрушенное соединится и падшее восстановлено будет. Ибо исполнится это по воле Божией. Здесь ожидается не чувственное слышание труб, по невидимая небесная сила будет действовать — также в отношении Бога «хотеть» есть то же, что и «действовать». Да не изыскиваем каким образом воскреснем, но только ожидаем результата воскресения, который получим, если, отказавшись от пороков, будем иметь совершенство духовного таинства, если обновленная плоть примет благодать от духа и душа займет от Христа блистание вечного света.

Но эти таинства имеют отношение и к каждому порознь. Примечай по предзнаменованию закона и о порядке благодати. Когда вострубит первая труба, собираются от востока знатнейшие и избранные. Когда вострубит вторая, собираются равные заслугами, обитающие на горе Ливане и оставившие игралища народов. Когда вострубит третья труба, собираются те, которые, как бы по морю волнуясь, колеблются волнами века сего. При звуках четвертой, собираются те, которые жестокость ума своего не могли достаточно смягчить Божественным словом.

Потому хотя все воскреснут во мгновение ока, но все по заслугам своим. И потому прежде всего воскреснут те, которые приняли за благочестие свое и веру лучи вечного солнца. Здесь я имею в виду праотцов по Ветхому завету или апостолов по Евангелию. Вторыми воскреснут те, которые, оставя обычаи язычников, присоединились к Церкви. И потому те первые — из отцов, а эти вторые — из язычников: от тех начался свет веры, в этих же до скончания мира пребудет принятая вера. Воскреснут третьи и четвертые от юга и севера. Этими четыремя разделяется земля, в этих четырех заключается год, этими четыремя наполняется мир, этими четыремя собирается Церковь. Ибо все, присоединившиеся к Церкви святой, получают преимущество воскресения и благодать вечного наслаждения, ибо пишется: «И придут от востока и запада и севера и юга, и возлягут в Царствии Божиим» ([Лк 13:29](#)).

Ибо Христос мир Свой освещает не малым неким светом: «от края небес исход его» ([Пс.18:7](#)), и шествие его до края их, и ничто не укрыто от теплоты его. Всех милостиво просвещает, не отвергает нечестивого, но хочет исправить, ожесточенного не от Церкви отлучит, но смягчить желает и для того в Песне песней Церковь, в Евангелии же Христос зовет их, говоря: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» ([Мф.11:28-29](#)).

Зовет также Церковь, восклицая: «Поднимись ветер с севера и принеси с юга, повея на

сад мой, — и польются ароматы его! — Пусть придет возлюбленный мой в сад свой и вкушает сладкие плоды его» ([Песн.4:16](#)). ([Песн.5:1](#) в совр. синодальном пер.: «Пришел я в сад мой, сестра моя, невеста; набрал мирры моей с ароматами моими, поел сотов моих с медом моим, напился вина моего с молоком моим. Ешьте, друзья, пейте и насыщайтесь, возлюбленные!» — Ред.)

Блажен поистине хранящий слова пророчества книги этой, которая открыла нам воскресение ясными свидетельствами, говоря: «И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими. Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них ([Откр.20:12-13](#)). Следовательно, не сомневайся, каким образом восстанут те, которых извергнет ад и возвратит море.

Внимания твоего достойно, что праведным обещается благодать: «И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» ([Откр.21:3-4](#)).

Сравни теперь, если угодно, эту жизнь с той жизнью, и избирай если можешь, всегдашнюю телесную жизнь, соединенную с трудами, наполненную переменами, печальями, скукой и неудовольствием. Приятно ли было тебе это, когда бы пожелал Он, чтобы это было вечно? Ибо когда жизнь и сама по себе неприятна, то насколько больше должны желать вечного покоя по воскресении, где не будет царствовать грех.

Кто настолько терпелив в болезни, постоянен в слабости, великодушен в печали, чтобы не пожелал умереть более, нежели вести жизнь, наполненную слабостями и печальями? Когда же мы в жизни этой сами себе не нравимся, хотя и знаем, что постигнет нас конец, насколько больше была бы скучна нам эта жизнь, когда мы предвидели, что телесные эти труды будут бесконечны. Итак, кто не хочет быть участником смерти? Да и что может быть тягостнее бессмертия, наполненного бедствием? «И если, — говорит апостол, — мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков» ([1Кор.15:19](#)). Это означает не то, что уповать на Христа бедственно, но что Он надеющимся на Него уготовил другую жизнь. Ибо эта жизнь подвержена греху, а та — предоставлена награждению.

Сколь нам прискорбна и горестна сама краткость жизни! Отрок желает достигнуть юношеских лет, юноша помышляет о совершенном возрасте и, будучи не доволен цветущими годами, желает почтения старых. И так все по природе желаем перемены, ибо неприятно нам все настоящее. Да и сами желания наши, по исполнении их не нравятся нам, и чего желали получить, того, полу отвращаемся.

Почему не напрасно и святые мужи соболезновали о продолжении своего странствования: соболезновал о том Давид, соболезновал Иеремия, соболезновал и Илия. Видим мы, что те самые, в ком Дух Божий говорил, устремлялись к лучшему: ежели исследуем и мнения Других, то сколько было таких, которые смерть предпочитали болезни, предпочитали страху? Ибо рассуждали они, что страх смерти тяжелее самой смерти, так что смерть в рассуждении своих зол не страшна, а в рассуждении бедствий житейских — предпочтительна; ибо жребия умирающего желаем, страха же живущих убегаем.

Но положим, что воскресение предпочитается этой жизни. Сами философы выдумали некоторый род жизни по смерти, но что вождеднее для нас: такой ли род жизни или воскресение? Что касается меня, они, утверждая бессмертие души, не могут довольно утешить меня тем, что искупают одну часть мою. Ибо какая приятность может быть там, куда я переселюсь не целый? Какая будет жизнь, ежели дело Божие во мне погибнет? Какая

справедливость, ежели концом природы будет смерть общая для праведного и неправедного? Истинное ли то мнение, что душа бессмертной почитается потому только, что сама себя движет и всегда находится в движении? Тело, говорят, имеем мы подобное скотскому, и что прежде тела делалось, то неизвестно; противными доказательствами истина не утверждается, но опровергается.

Достойно ли приятия то мнение, что будто души наши, выходя из тела, переселяются в тела зверей и разных животных? Но сами философы это мнение почитают за выдумку стихотворцев. Ибо можно ли поверить, чтобы люди могли переменяться в зверей, а тем более, чтобы правительница — душа человеческая могла принять свойство зверское, противное себе и, имея разум, перейти в животное неразумное? Вы, учащие этому, сами то опровергаете: ибо выдумали чудный род превращения.

Бредят так стихотворцы, опровергают философы и что выдумывают о живущих, то утверждают и об умерших. Те же самые, которые выдумали это, хотели через то не басню свою утвердить, но только посмеяться погрешностям философов, которые думали, что душа, привыкшая побеждать гнев, принимать терпение, воздерживаться от кровопролития, может также воспалиться лвиной яростью, жаждать крови и желать убийства и которая благоразумием своим умеряла и укрощала разные народные возмущения, та сама будто бы может на распутьях и в пустынях, по обычаю волков, выть, или которая воздыхала под тяжким плугом, та самая, переменясь в человеческий образ, ищет на гладком своем лбу рогов, или которая парящими своими крыльями возвышалась по воздуху до неба, та самая после желает полета и сожалеет, что тело тяжестью своею сделало ее непроторной и ленивой.

Все это сколь невероятно и сколь неприлично! Итак, не пристойнее ли по природе, по плодам других и по примеру действий верить изречениям пророческим, верить обещанию Христову? Что превосходнее, чем думать, что дело Божие не может погибнуть и сотворенное по образу и по подобию Его не может превратиться в образ скотов? Ибо образ Божий состоит не в теле, но в душе. Да и каким образом человек, которому покорены другие роды животных, лучшей своей частью переселится в покоренное себе животное? Не терпит этого природа, но хотя бы эта последняя и позволяла то, но не допустила бы благодать.

Вы, язычники, — смею спросить вас, — что вы сами о себе помышляете? Но не удивительно, что, как вы верите, можете перемениться в скотов: ибо поклоняетесь скотам. Однако я желал бы, чтобы вы лучше о себе рассуждали, желал бы, чтобы вы верили, что будете не между скотами, но в сообществе ангелов.

Конечно, душа от земного этого тела переселится к вышним и будет Господу воспевать хвалы, как читаем в Апокалипсисе: «велики и чудны дела Твои, Господи Боже Вседержитель! праведны и истинны пути Твои, Царь святых! Кто не убоится Тебя, Господи, и не прославит имени Твоего? ибо Ты един свят. Все народы придут и поклонятся пред Тобою, ибо открылись суды Твои» ([Откр.15:3-4](#)).

Этого желает больше других святой Давид, говоря: «Одного просил я у Господа, того только ищу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать святы́й храм Его» ([Пс.26:4](#)).

Полезно этому верить, приятно надеяться и, конечно, не верить — наказание есть, надеяться же — благодать. Ежели я в том погрешаю, что желаю по смерти лучше быть в сообществе ангелов, нежели скотов: охотно в том погрешаю, и пока жив, этого мнения никогда не оставляю.

Какое осталось для меня утешение, кроме того, что надеюсь скоро прийти к тебе, любезный брат, надеюсь, что разлука наша не долговременна будет, да и ты сам ходатайством своим можешь меня, желающего, скорее признать, ибо кто не пожелает себе, да «тленное это

облечется в нетление и смертное это облечется в бессмертие» ([1Кор.15:54](#)).